

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

КОНСУЛ

Рим

Валерий Большаков

Консул

«Махров»

2010

Большаков В. П.

Консул / В. П. Большаков — «Махров», 2010 — (Рим)

ISBN 978-5-17-064255-7

Второй век нашей эры. Уже известная по книгам «Преторианец» и «Кентурион» крутая четверка римских «спецназовцев» из двадцатого столетия получает новое задание: спасти из китайских застенков римского посла, консула Публия Дасумия Рустика, героя Дакийской и Парфянской войн, нарушившего правила китайского дворцового этикета и угодившего в одну из самых страшных тюрем за всю историю человечества. Задача «проста» – пройти полмира и в совершенно чужой стране, где во все времена иностранцев презирали и гнобили, вывести заключенного из дворцовой тюрьмы. И это при том, что дворец китайского императора сам по себе – неприступная крепость. Но кентурион Сергей (он же – Сергей Лобанов) и его друзья больше всего на свете любят решать именно неразрешимые задачи. Такая вот фантастическая история...

ISBN 978-5-17-064255-7

© Большаков В. П., 2010

© Махров, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1,	9
Глава 2,	22
Глава 3,	33
Глава 4,	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерий Большаков

Консул

Пролог

Ханьская империя, Лоян.

Год Желтой Обезьяны 42-го круга

(873-й год от основания Рима)¹

Сенатору Публию Дасумию Рустику везло всегда и во всё. Пройдя обе Дакийские войны и парфянскую кампанию Траяна, он не был даже ранен, хотя отличался лихостью и всегда бросался в самую гущу схватки, увязая в кровавой каше обоюдной резни. Чем не любимец богов? Сенатор стал консулом в один год с другим Публием – самым Элием Адрианом, императором Рима! Чем не счастливчик?

А теперь консулу крупно не повезло – он попал в бедственное положение узника ханьской тюрьмы.

Была ли на то воля богов, или судьба напрасно уготовила ему долгие мучения, консул не знал и даже не пытался гадать – постоянные истязания и оскорбления притупили его острый ум. Некогда гордому римлянину оставили в жизни одно – тоскливое ожидание смерти.

Поутру, в час дракона – примерно в третьем часу по римскому счету,² – его вывели во двор и избили бамбуковой палкой. Бамбук расщеплялся при ударах и резал спину, как ножом, просекая поджившие рубцы и добавляя новые раны.

Консул терпел, сжав зубы – его палач, косоглазая сволочь в замызганном халате, не услышит, как стонет гражданин Рима! Всё время, отмеренное для наказания, Публий глядел на кирпичную стену тюрьмы, выложенную иероглифами, складывающимися в изречение: «Распространяем высокие моральные качества на весь народ». Распространяйте, гады желтопузые, распространяйте...

Уложенный на широкую каменную скамью, консул прижимался к ней левой щекой, не желая поворачивать голову в другую сторону. Оттуда доносился непрерывный хриплый вой еще одного «наказуемого». Истязание называлось «стоять в бочке». Человека со связанными руками поставили в высокую бочку, ее верхняя крышка имела отверстие, куда втокнули голову обреченного. На дно бочки насыпали толстый слой негашеной извести и положили несколько кусков черепицы, которых приговоренный едва касался ногами. В таком состоянии несчастный, не двигаясь, простоял целые сутки. Это было два дня назад. А позавчера из-под его ног убрали одну черепицу. Лишившись опоры, «наказуемый» постепенно повисал на шее. Палачи же тем временем подливали воду на дно бочки, и ядовитые испарения обволакивали все тело несчастного...

А сегодня с утра была убрана последняя черепица. Ноги обреченного оказались в бурлящей извести, которая разъедала живую плоть, причиняя жертве боль во много раз сильнее, чем ожог от огня. Горло под тяжестью тела сдавливалось, и наступало медленное удушение...

---

¹ Ханьская, или Поднебесная, империя – Китай. 873-й год от основания Рима – это 120-й год от Р. Х.

² Римляне делили сутки на 24 часа, как и мы, расчленив их на ночные и дневные. День начинался приблизительно в 6 утра (Hora prima, 1-й час дня) и продолжался – по-нашему – до 6 вечера (Hora duodecima, 12-й час). Длительность часа зависела от времени года – зимой час удлинялся, летом – укорачивался. Китайцы разделяли сутки на 12 двойных часов, каждому присваивая название того или иного животного. Так, промежуток между 23 часами и 1 часом посвящался мышам, с часу ночи до 3 часов длился час быка, и так далее. Двойной час делился на 8 кэ, а каждая «кэ» – на 15 хуби, продолжительностью около минуты каждая.

Кажется, приговоренный «достоялся» – вой перешел в хрип, хрип – в натужное сипенье... И все стихло. Отмучился...

Ведро соленой воды обрушилось на истерзанную спину консула, и он не смог сдержать рычания – страшная резь рвала и без того уж исполосованную кожу. За плеском стекающих струй стоны не донеслись до ушей палача – это утешало почти утраченное достоинство Публия, изъязвленное не меньше, чем брренное тело.

Грубые руки вздернули консула, пинок ногой указал направление. Шатаясь, неустойчиво переступая босыми ногами, римлянин побрел, куда было сказано – в свой вонючий подвал, который он делил с уцелевшими ликторами.³

Теплый песок двора сменился холодными сырыми плитами сводчатого коридора. По обе стороны проход открывался арками, зарешеченными стволами бамбука толщиной в руку, крепкими и упругими. Впервые попав сюда, консул пытался вырваться, с разгону ударяя плечом по решетке, но бамбук лишь пружинил слегка, отбрасывая мускулистое тело и оставляя на нем синяки...

– Стоять!

Тюремщик отпер низенькую дверцу. Публий ползком миновал ее и попал в камеру. Двое выживших ликторов бросились к нему, подхватили под руки.

– Ничего, сиятельный, – прощамкал Гай, лишившийся половины зубов, – мы народ живучий...

– Да уж, – поддакнул Квинт. – Здесь еще терпимо, сиятельный. А сколько мы с Гаем насиделись в ихних колодках... Вот то была пытка! Нацепят тяжелые доски на шею, так полное ощущение, что твоя голова лежит на столе. Доски такие широкие, что я с трудом дотягивался до уха, а уж чтобы лепешку до рта донести, изворачивался так, что жилы трещали! А эти мухи... Обсядут все лицо, и не почешешься, мотаешь головой, как корова на пастбище! Так вот целый день стояли мы с ним под солнцем, а ночью уводили в вонючую землянку. Ноги не держали, я падал на гнилую солому, кишашую насекомыми, и начиналось... О-о... И ведь в колодках не полежишь, чуть не так двинешься, и эти проклятые доски врезаются в шею. Еле дождешься рассвета, тебя выводят на улицу, и ты опять изображаешь из себя верстовой столб...

Дотавив консула до наружной стены, где было пробито маленькое окошко, заделанное бронзовыми прутьями, ликторы усадили измученного Публия на кучу прелой соломы. Гай с Квинтом полили ему на спину из миски, чтобы смыть соль.

– Спасибо... – выдохнул консул.

– Да чего там... – проворчал Гай. – Неужто мы без понятия?

Консул обессиленно прислонился боком к стене и замер в этом неудобном положении. Прикрыв глаза, он сидел, отходя от боли и унижения. Унижение... Пожалуй, это было самым ужасным для него. С самого начала. Хотя, нет. Начало было иным...

Публий припомнил, как был горд и счастлив, став консулом. Добился-таки...

В паре с Публием Адрианом он являлся суффектом, как бы вторым консулом. Но – вторым после принцепса! Куда уж выше... Да... Вот уж был праздник... А принцепс почти сразу предложил своему «напарнику» работенку насколько сложную, настолько и опасную – отправиться тайным посланцем в Серику⁴ и завязать отношения с тамошним императором. Чтобы торговать напрямую, а не через пройдошливых парфян.

---

³ Ликторы – почетные сопровождающие. Ликторы осуществляли парадные и охранные функции. Разным чинам и санам полагалось разное количество ликторов: весталка довольствовалась одним, эдил – двумя. Императору полагались 24 ликтора, консулу – 12.

⁴ Сери́ка – Страна Шёлка, так римляне называли Ханьскую империю, то есть Китай. *Senatus populus que Romanus* (SPQR) – «Сенат и народ римский» – официальное название римского государства (китайцы именовали Римскую империю Дацинь – Великой страной Цинь). *Парфия* – мощная держава, чья территория довольно точно вписывается в границы современного

Разумеется, консул согласился послужить «Сенату и народу римскому». Он и его двенадцать ликторов переоделись в кожаные штаны и рубахи кочевников, сели на коней и двинулись в дальний путь, по степям и пустыням, обходя земли Парфии с севера.

...Они переплывали могучие реки, бились с полудикими варварами, переваливали колоссальные горы. И вот она, Серика! Сами серы называли свою страну Чжунго, что значит Срединное царство, или Тянься – Поднебесная.

Римляне одолели Великую стену, не зная, что главное испытание ждет их в императорском дворце, ибо в Серике испокон веков существует правило, согласно которому любой посол должен вести себя так, будто прибыл от покоренных дикарей к верховному правителю. Ни одно государство мира не могло быть равным Чжунго! Все цари, раджи, фараоны, принцепсы должны были исполнять волю императора серов и покорно нести ему дань.

Консула в течение трех дней обучали этикету, принятому на высочайших приемах, а затем допустили на аудиенцию к Великому императору Ань-ди, Божественному Сыну Неба великой династии Хань, Будде наших дней, Десятитысячелетнему властелину, Августейшему владыке.

Посла заставляли отбивать земные поклоны не только перед императором, но и перед входом во дворец и даже перед пустым тронном, перед подарками и грамотой, которую ему вручили по повелению Великого императора.

Когда консул, сжав зубы, преклонил колени перед «Сыном Неба», глашатай обратился к нему со словами: «Император спрашивает посла Дацинь, в благополучии ли здравствует доселе правитель вашей страны?»

Ответив владыке Поднебесной, посол пал ниц, затем поднялся и еще раз отвесил земной поклон.

Тогда глашатай снова обратился к нему: «Император спрашивает вас, усердно ли вы потрудились, прибыв издалека?»

Тут консулу надо было пасть ниц, подняться и снова поклониться, после чего совершить четыре прощальных челобития, но слишком уж болезненно задел римскую честь ханьский церемониал. Никогда доселе не испытывал Публий подобного позора. И оскорбленный римлянин взбунтовался.

Ханьским языком он владел не очень хорошо, но и наличного запаса слов хватило, чтобы в самых изысканных выражениях допечь «восточных варваров» и сравнить «властелина червей-шелкопрядов» с вождем степных кочевников, немывым с рождения.

Лицо Ань-ди окаменело, придворные побледнели от ужаса, у иных даже колени подогнулись. Император встал с трона, и звучащая во время приема музыка замолкла.

После мимолетного замешательства глашатай объявил повеление Сына Неба: посла Дацинь за дерзостные речи и отсутствие почтения к Священному императору бросить в дворцовую тюрьму...

...С тех пор прошло больше года. Минуло лето, настал сезон байлу – «пора белых рос», по римскому исчислению – начало сентября.

– Ли Хао казнят... – глухо сказал Квинт, выглядывая в зарешеченное окошко.

Гай сумрачно кивнул, не поднимаясь с рваной циновки, а консул, цепляясь за стену, встал и шагнул к Квинту. Тот посторонился, уступая место.

Сначала Публий увидел крыши императорского дворца с лакированной черепицей, и балкон, с которого Сын Неба любил наблюдать за казнями. Привстав на цыпочки, консул разглядел Ли Хао, хорошего человека, проявившего к ним милосердие. Ли Хао поделился с рим-

лянами лепешкой, когда тех водили по городу, бичуя на перекрестках. За свою доброту ханец угодил в темницу. А теперь...

Палачи уготовили Ли Хао мучительную казнь в бамбуковой клетке. Она представляла собой усеченную пирамиду из четырех толстых шестов в рост человека, вверху и внизу скрепленных перекладинами. На верхнюю перекладину набивалось несколько узких бамбуковых дощечек с отверстием для головы осужденного, которого ставили в такую клетку со связанными за спиной руками. Шея его упиралась в перекладину, что могло сразу же привести к удушению. А чтобы смерть не наступила быстро, под ноги Ли Хао подложили несколько черепиц, которых он едва касался подошвами. Затем черепицы одну за другой убирали...

Стараясь хоть немного продлить себе жизнь, Ли Хао напрягал мышцы, чтобы устоять на цыпочках, но вот мучители убрали последнюю черепицу, и наступила медленная смерть...

Консул, словно подражая ханцу, напрянул мускулы ног, вытягиваясь на кончиках пальцев, но силы оставили его. Публий опустился, едва не упав от нахлынувшей слабости, затем присел на корточки, касаясь холодной стены одними плечами.

– Скоро зима... – пробормотал Квинт.

– Не бойся, не замерзнешь, – усмехнулся Гай. – Скоро и нас рашштавят по клеткам...

– Прекратить! – каркнул Публий. – Принцепс дал слово, что вытащит меня из любой передраги, и я не смею оскорбить августа недоверием! Рим не бросает своих граждан.

– Прости, шиятельный, – пробурчал Гай. – Ражве я в обиду кому говорю? Прошто неохота помирать без вести, в краю желтопузых варваров!

– Нас найдут, – упрямо сказал консул. – Обязательно!

– Юпитер и Фортуна, – вздохнул Квинт, закатывая глаза, – где вы?..

Гай Лабееон, ветеран Седьмого Клавдиева легиона, не стал богохульствовать в ответ другу, а забубнил старинную походную песню, разухабистую и непристойную:

Прячьте, мамы, дочерей,
Мы ведем к вам лысого развратника!

Квинт Ацилий Глабрион ухмыльнулся и подтянул своим сочным баритоном. Консул покачал головой и тоже зашевелил губами, добавляя свой голос.

Песенка набрала силу, теперь ее было слышно во дворе тюрьмы.

И пусть слышат, подумал консул, пусть познают силу римского духа! А мы будем надеяться и терпеливо ждать...

Часть первая «Путь Белого тигра»⁵

Глава 1, *в которой преторианцы собираются в цирк*

1

Рим, Палатин. 874-й год от основания Рима

Великий Рим просыпается до зари. Звезды тускнеют и гаснут, многоярусные акведуки смутно вырисовываются на фоне сереющего неба, из сумерек выступают молчаливые громады храмов, полные теней и тайн, а дневная карусель, вовлекающая римлян в круговорот забот и непокоя, уже раскручивается потихоньку...

Вот торопливо прошаркали клиенты⁶ – они спешат к своим патронам, лелея надежду плотно позавтракать. Вот вразнобой загомонили школьники.

Грюкают и звякают торговцы, убирающие щиты с прилавков и снимающие охранные цепи за створками дверей.

Рим никогда не спит спокойно, убаюканный тишиной и негой. Наступает ночь – и огромный город погружается в полнейший мрак. Только птицам небесным дано видеть, как редкие цепочки факелов проползают по лабиринту улиц, высвечивая тенты бесчисленных повозок, которым по велению Гая Юлия Цезаря был закрыт доступ в город днем – раз и навсегда.

Но что птахам людское копошение? Они летают, ловят мошек или мышек, да и отправятся почивать в тихий лесок. А люди останутся. Будут ворочаться, проклинать ближних и дальних, заматывать головы в тоги, чтобы хоть на час заснуть среди неумолчного ночного шума.

Стены их домов сотрясаются от грохота колес бесчисленных повозок, уши их вянут от ругани возниц, а мутный Тибр отвечает крикам носильщиков испуганным эхом...

Ночь пройдет, заалееет восток, и начнется дневная давка и толкотня, дневная суета. Дневной шум.

Сонные римляне отопрут ставни на окнах и выставят цветочные горшки, убранные на ночь. Трактирщики откроют свои таверны и удлинят их выставленными наружу лотками. Вынося горячие свиные матки и требуху, они станут зазывать желающих хрипылыми голосами, но хмурые обитатели Вечного города поспешат прежде попасть в цирюльню, окруженную скамьями, и займут очередь, оглядывая себя в зеркала, развешанные по стенам. Брадобреи-тонзоры захлопочут вокруг посетителей, состригая волосы или накручивая их на горячие стержни, поливая кропотливо выделанные завитки красками и орошая духами, намазывая на щеки белила и румяна, сбривая щетину, смоченную водой, и прикладывая к порезам шарики из выдержанной в масле и уксусе паутины.

А карусель всё пуще разгоняется, ускоряя и ускоряя бешеное коловращение жизни...

---

⁵ *Белый тигр* – покровитель запада в мистической китайской географии. «Путь Белого тигра» – дорога с запада на восток.

⁶ *Клиенты* – первоначально свободные плебеи, которым патрицианский род предоставлял участок земли для обработки с обязанностью заботиться о покровителе (патроне) и его защищать. Ко времени действия романа клиенты – это городская беднота, находившаяся в зависимости от богатей и охотно продававшая им свои голоса на выборах.

Пускаются в путь разносчики, менялы позванивают на нечистых столах монетами с профилем императора.

Зеваки, окружившие заклинателя змей, хором восхищаются его мастерством, голоса нищих заливаются на все лады, жалоба прохожих именем Доброй Богини. А прохожие прут и прут себе мимо, разливаясь неудержимым половодьем по улицам, крича и толкаясь, по солнцу или в тени.

Только богатеям удастся выспаться в Риме. Они прячутся от шума и гама в глубь особняков-домусов, скрываются за толстыми стенами, обнесенными садами.

Однако утром и тут не особо поваляешься – на рассвете ударяет колокол, и целые декурии⁷ рабов с заспанными лицами наполняют роскошный домус.

Они бренчат ведрами и хлещут мокрыми тряпками, стучат лестницами, с которых достают до потолков. Уборщики рассыпают по полу опилки, которые после выметают вместе с облепившим их мусором, вооружаясь вениками из пальмовых листьев и метлами из сухих ветвей тамариска. Рабы задирают шесты с привязанными к ним губками, очищая пилястры и карнизы, моют, трут, вытряхивают пыль... Уснуть невозможно, но и в богатых домах встают до свету.

Сергий Корнелий Роксолан, принцип-кентурион претории, даже не пытался продлить сон.

Ставни его спальни-кубикулы были отворены навстречу хмурому утру. Бронзовые рамы, забранные мутными стеклянными кругляшами, цедили серое мерклое сияние, в котором даже скудный свет ночника казался ярким.

Стоял январь, но холод и сырость со двора не проникали в спальню – по углам раскрывались керамические воронки гипокаустов, нагонявших теплый воздух. Он хорошо прогревался в подвальных печах, коими заведовал Леонтиск, раб-истопник, всегда чумазый и всегда навеселе.

Поворочавшись, Сергий сел и протер глаза. Его ложе из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, серебром и лазуритом, выглядело роскошно, однако особенно удобным не было: на переплетенные крест-накрест ремни кровати укладывались тонкий матрас и валик изголовья, набитые лебяжьим пухом. Матрас застилали двумя покрывалами – на одном Сергий спал, другим укрывался, зимою добавляя стеганое одеяло. Впрочем, принцип не жаловался. Ему ли, чьим ложем становился и песок пустыни, и прелая солома застенков, и снег, едва прикрытый еловыми ветками, жаловаться на отсутствие комфорта? Не в мякоти счастье...

– Уже вставать? – сонно спросила Тзана.

Девушка лежала с закрытыми глазами, одну руку закинув за голову, поверх роскошной волны иссиня-черных волос, разметавшихся по простыни, а другую сложив под грудями – крутыми, точеными, полновесными чашами, улаживающими взор Сергия. Тзана будто почувствовала, что он смотрит на нее, и наметила улыбку, потягиваясь с безразличием, но розовые соски твердели на глазах, выдавая правду.

Сергий не стал перечить соблазну. Подкатившись к девушке, он махом сгреб ее в охапку, крепко обнимая и целуя.

Тзана резко распрямила ногу, скидывая одеяло. Забросила стройную конечность на спину Роксолану, обвила, притягивая к себе с неожиданной силой, отдаваясь молча и яростно. И Сергий овладевал возлюбленной, радуясь ее сарматскому происхождению: ибо девушки-степнячки не ведали неравенства полов и требовали любви тогда, когда испытывали желание, не дожидаясь мужской прихоти...

---

⁷ Декурия – десяток. Рабов в богатых домах было столько, что их разделяли по «бригадам»-декуриям.

...Насытившись друг другом, они встали и начали одеваться. Для начала Сергей обтянул чресла набедренной повязкой – треугольным лицом из мягкого полотна – и завязал тесемки на животе. Просунув руку между ног, поймал пальцами третью тесемку, подтянул и сунул под узел, в сотый раз замечтавшись о нормальных «семейниках». И подумав мимоходом, что Тзана просто не поняла бы, что такое трусики. Скорее всего, эти галантерейные изделия ее бы здорово позабавили...

Римские матроны, ложась спать, не снимали с себя ни передник, ни грудную повязку или блузку-капитиум, ни тунику. Тзане подобный обычай казался странным, и она никогда не изменяла давней привычке спать обнаженной.

И уж тем более, сарматочка не стала бы тратить бездну времени на утренний туалет, на все те ухищрения римлянок, которые шли в наступление на старость, обороняя красу, уносимую годами и бедами.

Волосы, подобные тем, что тяжелой копной спадали с красивой Тзаниной головки, были в моде – замужние матроны платили бешеные деньги за состриженные косы, доставляемые из Индии, и гордо носили брюнетистые парики. А лицо? Целый шкаф в супружеской спальне какой-нибудь Эмилии или Сульпиции был забит баночками и флаконами, арибаллами и алебастрами, коробочками и гутти – сосудиками с длинными узкими горлышками.

Каждое утро, за плотно закрытыми дверями, ловкие руки парикмахерш сводили волосы на телах матрон и «раскрашивали» их: лоб и руки – в белый цвет мелом и белилами; губы и скулы – красным с помощью охры и винного осадка; ресницы и вокруг глаз – черной краской из пепла или сурьмы.

Отправляясь в термы, римлянка прихватывала весь этот арсенал с собою, распахивая баночки по ячейкам шкатулки. Воистину, в этой увесистой «косметичке» хранилось дневное лицо матроны, которое она надевала по утрам, а после бани еще раз, расставаясь с ним лишь с наступлением ночи: «Ты обитаешь, Галла, в сотне шкатулок, и лицо, которое ты показываешь нам, не спит с тобою вместе!»

А вот сказать это про Тзану было нельзя. Лицо девушки знало лишь три притирания, три сорта помад и румян – чистую воду, ветер и солнце.

Натянув на себя тунику из полупрозрачного египетского виссона, она заправила ее в теплые шаровары. Обула войлочные сапожки, набросила на плечи запашной халат. Подвязалась плетеным ремешком и сладко улыбнулась Сергию:

– Ты готов?

– Вполне!

Преторианцы, когда были не на службе, ходили в гражданском платье, и Роксолан пользовался этим послаблением с пользой и удовольствием. Он натянул любимые галльские штаны с расшитыми лампасами и теплую рубаху. Намотав на ноги портянки и обув полусапожки-калиги, принцип-кентурион покинул спальню. Меховую куртку он снял с крючка уже в коридоре – рабыня, приставленная следить за вещами хозяев, вычистила ее и починила богатую сарматскую вышивку. Тзана бесшумно шагала следом, словно прикрывая спину Сергия.

Домус пробуждался. Из триклиния уже доносился басистый хохот Гефестая и взвизги То-Мери, хорошенькой египтяночки, купленной задешево по причине дерзости и своеволия. Где-то за атрием, в перистиле, вопил Эдик, что-то горячо доказывая сдержанному Искандеру, чей ироничный голос почти не был слышен.

– Толай в триклиний, – сказал Сергей, приобнимая Тзану, – я сейчас...

– Только недолго, – улыбнулась девушка, – а то Гефестай все съест.

– Лопнет!

Роксолан омыл лицо из большой серебряной лоханки. Ух, хорошо!

Раб с полотенцем материализовался как по волшебству. Сергей вытерся и направился к лестнице, ведущей на самый верх, к соляриуму. Хотелось минутку побыть одному. Дружба – дружбой, любовь – любовью, а душа всё же требовала одиночества хоть изредка.

Наверху было холодно, солнце светило, но не грело. Огромный дом, облицованный белым мрамором, казался серым, под цвет туч, нависших над холмами Рима.

Вид с соляриума открывался недурственный. За метелками продрогших кипарисов просматривался Капитолий – кровля храма Юпитера, выложенная черепицей из позолоченной бронзы, блестела даже под приспущившейся хмарью. Правее, за базиликой по соседству, открывался Форум – нагромождение храмов и присутственных мест, расплывавшихся в зыбких сумерках. Выше всех вставал Табулярий и рынок Траяна. А вот Колизей почти не был виден – прятался за колоннадой. Только голова исполинского изваяния Гелиоса, установленного рядом с амфитеатром Флавиев, отсвечивала рогатым венцом, похожим на тот, что украшал статую Свободы в Нью-Йорке. Хотя почему – украшал? Украсит. Через полторы тысячи лет с хвостиком...

Сергей усмехнулся. Когда они попали в прошлое и оказались в «настоящем» Древнем Риме, на переживания просто не хватало времени. С самого первого момента, когда он с Эдиком, Искандером и Гефестом переступил порог Врат, шагнув из 2006-го в 117-й, жизнь закружила их неразлучную четверку и понесла, закусив удила. Парфия, Рим, Галлия, Египет, Дакия... Осада, плен, рабство, гладиаторские бои, заговоры, погони, засады...

Победы, впрочем, тоже были. Иначе он бы тут не стоял, предаваясь размышлениям. А самый надоедливый из «размышлизмов» возникает то и дело, баламутит рассудок ужасом и восторгом – он, Сергей Корнеевич Лобанов, сын русского офицера, добропорядочный гражданин РФ, подвизавшийся на поприще малого бизнеса, является кентурионом претории! И не простым кентурионом, а принципом. Еще чуть-чуть, и выйдет Сергей Корнеевич в преторианские трибуны, когортой станет командовать. А там и до префекта недалеко...

Сергей улыбнулся. Чтобы не опуститься до щенячьего повизгиванья, достаточно отрезвить впечатлительную натуру простыми фактами: он обладал миллионами сестерциев,⁸ но все их спустил на покупку этого домуса, дорогого ему как память. Он дослужился до принципа, однако до сих пор не получил римского гражданства.

И для всех тутошних плебеев и патрициев он по-прежнему остается тем, кем был раньше – варваром. На него по-прежнему глядят свысока и плохо скрывают презрительную усмешечку, завидя его штаны, первейший признак негражданина.

Да и черт с ними, со всеми римлянами-голоножками! Пускай мерзнут в своих тогах, а нам, варварам, и в штанах неплохо...

– Серый! – донесся нетерпеливый голос Эдика Чанбы. – Ты скоро? Остынет же!

– Иду! – откликнулся Лобанов, и добавил потише: – Проглот...

Но Чанба услышал – из атрия донеслось быстрое:

– Сам проглот!

Сергей вздохнул, возводя очи горе, и стал спускаться. Эдик – взрывоопасная смесь генов абхаза и адыгейки. Тут воспламенение грозило взрывом – только тронь... Но в их компании – сурового Сергия Корнелия, занудного Искандера Тиндарида и простодушного Гефестая, сына Ярная, Эдик служил катализатором товарищества, постоянным раздражителем, не позволявшим дружной четверке закоснеть и окостенеть.

---

⁸ *Сестерций* – основная денежная единица Рима, бронзовая монета, равная по стоимости двум бронзовым дупондиям или четырем медным ассам. Один асс соответствовал двум семиссам или четырем квадрантам. В свою очередь, четыре сестерция приравнивались одному серебряному денарию, а двадцать пять денариев были тождественны одному золотому денарию, или ауреусу.

Помяни чёрта, и он тут как тут – внизу, усевшись на громоздкий мраморный стол, заставленный бронзовыми статуэтками, сидел Чанба и болтал ногами – коренастый, малорослый, чернявый и подвижный, как ртуть.

– С добрым утром, принципиальный! – поздоровался он, радуясь жизни. – Какие мудрые мысли надуло в твою принципиальную голову?

– Стою перед мучительным выбором, – проворчал Сергей. – То ли прибить тебя на месте, то ли скормить нашим леопардикам...

– Живодёр! – по-прежнему жизнерадостно сказал Эдик. – Леопарды помрут в страшных мучениях, я оч-чень несъедобный! Зато триклиниарх клянется и божится, что луканская копченая колбаса – свежайшая, а омары – ну, просто объедение!

– Я давно уже заметил, – улыбнулся Лобанов, – что твоя речь изобилует восклицательными знаками. А тебе рассказывали в школе о других знаках препинания?

– Рассказывали, – энергично кивнул Чанба. – Но они мне не подходят. У нас, горцев, эмоции постоянно перехлестывают за критическую массу, и всякие там «тчк» и «зпт» стреноживают процесс самовыражения, развернуться не дают! Как говорил мой дед Могамчери: «Точка окончательна, восклицательный знак – изначален». Хм. Я вижу, что мой принципиальный друг не в теме. Объясняю для особо... э-э... в общем, ты понял, да? С чего начинается жизнь? С вопля младенца! Какой тут знак должен стоять? Пра-авильно, восклицательный. А когда умирает старик, что делают? Совершенно верно, ставят точку после даты смерти. Теперь дошло?

– Ей-богу, не пожалею леопардиков, – вздохнул Сергей.

– Жестокий ты, – сказал Чанба с укоризной. – Природу и меня беречь надо.

– Природу – понятно, а тебя зачем?

– Здравствуй! Так я ж ее царь!

– Слушай, царь, а почему ты меня принципиальным обзываешь?

– Как это – обзываю? Я обращаюсь! Ты же у нас кто? Принцип! Ну, вот... Выше только примипил.

Тут из кабинета-таблинума вынырнул Искандер – сухой, черный, остроносый, – и сказал назидательно:

– Это в легионах существует чин примипила, а в претории такого звания нет.

– Чего это нет? – спросил Чанба агрессивно. – Всегда был!

– Ты ошибаешься. Звания примипила в преторианской гвардии никогда не было, да и не могло быть, поскольку отсутствует и сам легион – когорт не хватает для комплекта. В претории всего девять когорт, а полноценному легиону положено иметь ровно десять. Так что, как видишь, примипилу в гвардии делать нечего, его просто некуда пристроить...

– Ох, ну ты и зануда... – вздохнул Эдик.

– Наш общий друг, – сообщил Тиндарид доверительно, обращаясь к Сергию, – путает занудство с эрудицией. Сие простительно для невежественного ума горца...

– Но он поразительно быстро обучается! – подхватил Лобанов.

– Да-да-да! В это трудно поверить, но этот сын гор уже усвоил первоэлементы культурного поведения, как-то – не ковырять пальцем в носу, мыть руки перед едой...

Эдик задумался, соображая – обидеться ли ему, или ответить гневной филиппикой? – и надулся.

– Пошли, подкрепимся, – сказал ему Искандер, – а то твое лицо кавказской национальности осунулось за ночь.

– Только после вас, – пробурчал Чанба, – о мудрейший из мудрейших, энциклопедия моего сердца!

– Обращайся к ней почаще, – сказал Тиндарид покровительственно, – и необработанный алмаз твоего разума засверкает бриллиантовыми гранями...

- Пошел ты знаешь куда! – зашипел Эдик. – Гранильщик нашелся!
- Сейчас я вас обоих пошлю, – пригрозил Сергей. – Конюшню чистить. М-м?
- Это была утренняя зарядка, – быстро сказал Чанба.
- Скорее, разрядка, – уточнил Искандер.
- В триклиний – шаго-ом... – скомандовал Лобанов, – марш!

Тиндарид с Эдиком выступили, печата шаг, в атрий, окаймленный колоннами из желтоватого мрамора. Большой бассейн, расположенный посередине, пересох за зиму, а прямоугольный вырез в крыше прямо над водоемом был затянут тканью, чтоб не задувало.

- Налево, ать-два!

Искандер и Чанба четко развернулись и прошествовали в триклиний – обширную трапезную, разделенную на две части шестью колоннами тиволийского мрамора. На пороге их встретил триклиниарх Крассий Пасикл, по будущим понятиям – застоловой. Он строго предупредил входящих:

- С правой ноги!

И преторианцы послушались – зачем зря богов гневить? Плохая примета – войти с левой ноги. А еду брать левой рукой и вовсе неприлично. Тиндарид объяснял это табу на примере арабов – эти дети пустыни подмываются левой рукой и, если они этой же конечностью предлагают тебе пищу, значит, хотят нанести страшное оскорбление...

В глубине триклиния за колоннами стоял стол из мрамора, а вокруг него разместились высокие лежа с разбросанными пуховыми подушками в пурпурных наволочках. Свет сюда проникал из атриума, через узкие стрельчатые окошки, поэтому в зале царил сумрак, который больше сгущали, чем разгоняли лампы из алебаstra и позолоченной коринфской бронзы, обтянутые цветной индийской тканью.

Проворные рабы накрывали на стол, а важный пышный Крассий руководил трапезой, движением бровей регулируя смену блюд.

Сергей уселся на ложе, подвинув Гефестая, приветствовавшего принца ухмылкой. Огромный, не в меру упитанный, но в самом расцвете сил, сын Ярная разлегся по римскому обычаю, облокотившись на левую руку, а правой поднимая емкую чашу.

– Что, кушан, – бодро спросил его Эдик, намекая на национальную принадлежность Гефестая, – кушать захотел?

- А то! – пробасил сын Ярная.

– Я буду лепить с тебя Диониса на пенсии, – сообщил кушану Искандер, устраиваясь напротив.

– С чего это – на пенсии? – насторожился Гефестай, зная по опыту, насколько остры бывают языки его товарищей.

– Раздобыл ты больно, – озабоченно оглядел сына Ярная Тиндарид, – лежишь, как тюлень...

- Был кушан, – вздохнул Чанба с притворным сожалением, – стал жрун...

– И зарос весь, – продолжал брюзжать Искандер, – а щетина старит. Ты когда бриться думаешь?

– Да было б тут хоть мыло какое, – заныл Гефестай, – я уж не говорю пена для бритья, а то ж мочи нет! Скребут, гады, по живому, будто скальп снимают!

Тзана засмеялась, закидывая голову. Женщинам не позволялось возлежать за трапезой, обычай предписывал им сидеть, но сарматка внесла коррективы в правила поведения за столом – она уселась, подложив под себя ноги. «Полурослик» Эдик не любил есть лежа, но еще пуще он не выносил сидеть на высоком ложе, свесив ноги – они чуть-чуть не доставали до пола. Изображать хоббита Чанбе не нравилось чрезвычайно, а посему приходилось принимать лежачее положение.

– Ну набросились, – нетерпеливо скомандовал Сергей, и рыжий раб по имени Луципор бросился распечатывать амфору с александрийским – сладким ароматным вином. Выбив глиняную затычку, он пропустил содержимое сосуда через cedилку в широкий кратер, похожий на тазик с ножкой, и уже оттуда стал черпать ковшиком и наполнять чаши. Двое тшедушных рабов разносили вино, одновременно оделяя хозяев маленькими горячими хлебцами.

– Ну, поехали! – произнес Гефестай немудреный тост, после чего торжественно опорожнил свой сосуд.

Сергей отпил изрядно и принял в левую руку поданную тарелку. На первое были бобы с телятиной. До вилок прогресс еще не добрел, и Лобанов привычно запустил в яство пальцы.

– Отлично, Крассий, – одобрил он. – Мясо мягкое и сочное, не пересушено.

– Самое то, – согласно кивнул Эдик.

Триклиниарх залучился от гордости и счастья.

– Иногда я себе удивляюсь, – негромко сказал Лобанов. – Помните, каково нам было в рабстве? А как неловко было покупать Кадмара, Акуна, Уахенеба с Регебалом! Теперь же все как бы по-другому, я привык быть рабовладельцем и уже не замечаю, как вокруг меня снуют купленные мною люди, как они торопятся угодить и услужить...

– Перестань, – лениво отмахнулся Искандер. – Рабовладение кажется дикостью в двадцать первом веке, но во втором оно обычно, как дыхание, как снег зимой и листва летом. И не надо сравнивать нас с домашней прислугой. Мы были гладиаторами и ходили по краешку, не зная, долго ли проживем и какой из боев станет для нас финальным. А рабы, что горбатятся «во глубине испанских руд»? По восемнадцать часов, прерываясь на сон-обморок или чтобы проглотить вонючее хлѐбово... Для них благо – короткая жизнь, подобная долгой казни. Чем скорее она закончится, тем лучше... А как тяжело живет рабам в латифундиях, где пашут от зари до зари? И как же они завидуют городским! Это у нас их два десятка, а у соседей, знаешь, сколько? Четыреста! У них раб-веларий только тем и занят, что занавески с утра раздвигает, а вечером задергивает. А раб-сферист просто надрывается – его работа заключается в том, чтобы подавать мяч при игре в «треугольник». Так что... Вот ты удивляешься, а не забыл, что я сам родом отсюда? Я имею в виду – из этого времени? Я рожден в Селевкии и мальчиком оказался в рабстве, а отроком попал в твое «родное» время. И как же дико мне было видеть свободных за работой... Никаких шансов!

– Видеть – что... – проворчал Гефестай. – Я и сам из Пурушапуры. Он, – сын Ярная кивнул на Тиндарида, – из Парфии к вам в СССР переместился, а я из этого... из Кушанского царства. Ага... В школу вашу ходил, и года два привыкал к мысли, что все люди равны и раб – это тоже человек. У меня это просто в голове не укладывалось! Как так, думаю: говорящее орудие – и разумное, вроде меня?! Чего-то там хочет, чувствует, соображает? Он же раб!

– Привыкал он! – фыркнул Эдик. – Просто ты не видел невольников в двадцатом веке, но они от этого не перевелись. Девочек обычно на Ближний Восток продают, да и за океан тоже, а мужиков... Да вы вспомните, скольких наших пацанов чечены сделали рабами!

– Всѐ-таки в будущем торговля живым товаром – это преступный бизнес, – сказал Искандер примирительно, – а здесь – обычная купля-продажа... В будущем копят деньги на спальняный гарнитур или на машину, а тут – на раба.

– Тоже верно...

Двое слуг засновали вдоль лож – один подносил сотрапезникам чашу, полную свежей воды с отдушкой, а другой вытирал руки хозяев салфеткой.

Во время десерта в трапезную завернул галл Кадмар, по статусу – раб, по факту – друг, товарищ и брат. Рабы-триклинарии как раз обрызгали пол настойкой вербены и рассыпали по нему опилки, окрашенные в цвета шафрана и киновари. Кадмар нетерпеливо распихал слуг, пробираясь к ломам.

– Ну, что там? – подался к нему Искандер.

Галл украсился гордой улыбкой победителя.

– Мы нашли их! – сообщил он. – Завтра они будут участвовать в представлении, только надо успеть переговорить с ними до полудня.

– А где, где будет представление?

– На Марсовом поле, в Септе. Они сами найдут нас на пятой трибуне.

– Отлично! – потер руки Тиндарид. – Отлично, Кадмар!

Обернувшись к триклиниарху, он сделал красноречивый жест: выметайтесь! Рабы с поклонами покинули трапезную.

– Не понял, – сказал Гефестай озадаченно.

– Выкладывай, – спокойно велел Сергей.

Искандер энергично кивнул, и сел, хлопнув себя по коленям. Обычно, оставаясь наедине, четверка переходила на русский, но рядом сидела Тзана, тоже своя, поэтому в триклинии звучала звонкая латынь.

– Надеюсь, вы не забыли, какое нам дали задание? – начал Тиндарид с вопроса. – Проникнуть в Китай и освободить римского посла, консула Публия Дасумия Рустика. А заодно и его ликторов.

Эдик, набивший рот моченым яблоком, издал фонемы, отдаленно напоминающие ответ: «Мы помним!»

– Так рано ж еще, – удивился сын Ярная. – Мы же решили – выедем в апреле. Туда – посуху, обратно – морем. Чего-то ты темнишь, Александрос!

Александрос Тиндарид, привыкший к имени Искандер, довольно улыбнулся.

– Среди вас всех я единственный посещал факультатив по истории древнего мира, – сказал он с долей ностальгии. – Мы собирались по четвергам и пятницам в кабинете у Борь Борица... помните, он в школе историю вел? Собирались и вникали в то, что по программе не проходили. Так вот. Официальной историей трактуется, что первыми римлянами, которых сподобились увидеть китайцы, были фокусники-циркачи из Александрии, и произошло это в сто двадцать первом году... Улавливаете мою мысль?

Улыбка озарения расплылась у Гефестая по лицу.

– Так мы же их сможем там встретить, – сказал он, – в Китае то есть. Точно!

– Неточно, – отрезал Искандер.

– Почему?

– О, совоокая Афина! – возвел очи горе Тиндарид. – Да потому что мы и будем этими циркачами!

– Как это?

– Да так вот, просто!

– Так вот кого ты нашел... – протянул Сергей. – А что, неплохая идея... А это точно те самые циркачи?

– Точно, – твердо заверил его Искандер.

– Да объясните толком! – сердито сказал Гефестай.

– Я понял так, – молвил Эдик, – что мы попадем в Китай под видом этих циркачей... Стоп! Не получится. Нас же сразу раскусят! Ну, какие из нас фокусники, сами подумайте!

– Вот о том и речь, – веско проговорил Искандер. – Завтра же мы пойдем на представление и договоримся с этими цирковыми, чтобы они провели с нами мастер-класс. Времени, конечно, мало, но месяца два у нас в запасе есть. Подучимся, и в путь! Как говорят китайцы, дорога в тысячу ли начинается с одного шага. Главное, прикрытие у нас будет стопроцентное, плюс сопровождающие – этих циркачей уже ждут в Афинах трое китайцев, то бишь серов. Или так – ханьцев. Они впишут нас в подорожные грамоты и проведут до самого Лояна, где проживает император Ань-ди, Высокочтимый Сын Неба!

– А что, – нахмурился Гефестай, – без ки... э-э... ханьцев никак?

– Можно и без – если проявим чудеса героизма. Границы Поднебесной очень строго охраняются.

– Это хороший шанс, – кивнул Лобанов. – Завтра договоримся – и начнем занятия.

– А если не договоримся? – пробурчал кушан, злившийся на себя за то, что не сразу «догнал».

– А если не договоримся, то заставим силой. Проведут ликбез, не выходя за стены преторианского лагеря, а потом их на годик зашлют куда-нибудь в Верхнюю Германию, чтобы зря языками не болтали.

– Если и вовсе языки не отчищают, – ухмыльнулся Эдик. – Наш префект – товарищ крутой, долго уговаривать не любит.

– Короче, – подвел черту Тиндарид. – Завтра встретимся с этими циркачами, и всё станет ясно, как летнее утро.

– Фокусы научимся показывать! – воскликнул Эдик.

– Двинемся из Антиохи,⁹ – сказал Тиндарид деловито, – спустимся вниз по Евфрату до Ктесифона, оттуда через всю Парфию, в пределы Кушанского царства...

– Плавали – знаем! – пробасил Гефестай. – Места, считай, родные. На парфянском я говорю бегло, а воины тамошние... Да какие там воины! Так, недоразумение одно... Помнится, заглянул как-то в ихнюю таверну, а там человек двадцать парфян. И на меня, как пчелы на медведя! А я их хватаю парами, лбами трескаю – и в стороны. Так всех и перешел, как в бильярд сыграл...

Лобанов подумал и спросил:

– Слушайте, парни, а не слишком ли крутую игру мы затеяли? Не заиграться бы. И вообще, все как-то странно...

– Что именно? – осведомился Искандер.

– Вот ты говоришь, о циркачах дошло известие... А о консуле, значит, не дошло? Это ж посол, как-никак.

– Именно, что никак! У ханьцев иное представление об иностранных делах, понимаешь? У них так – есть их Поднебесная, а весь остальной мир сплошь вассалы Божественного Императора. И посла воспринимают именно как данника, униженно подносящего дары к подножию трона Сына Неба. Еще вопросы есть?

– Вопросов нет. Ладно, «действуем по вновь утвержденному плану!»

Тзана, призывно улыбаясь, пересела к Сергию и спросила:

– А меня ты возьмешь с собой?

У Лобанова стало портиться настроение.

– Нет, девочка, – сказал он со вздохом. – Дорога нам выпадет трудная и опасная, оставайся ты лучше дома. Так и мне, и тебе будет спокойней. Я очень боюсь тебя потерять, и, случись что, никогда себе не прощу. Оставайся.

– Ладно, – кротко ответила девушка, и потупила глазки. – Еще не весна...

2

Рим, Альта Семита, дом Пальфурия Суры

Готарз, сын Хвасака, принадлежал к роду Гью, одному из семи знатнейших кланов Парфии. Царь царей Осро Первый, тридцать третий потомок славного Аршака, оказал милость

---

⁹ *Антиохия* – город на сирийском побережье, третий по величине после Рима и Александрии. Ныне – турецкая Антакья. Евфрат парфяне называли Фуратом. Ктесифон – столица Парфии (сами парфяне выговаривали название своего стольного града так – Тизбон). Селевкия (по-парфянски – Селохия), родной город Искандера, располагалась напротив Ктесифона, через реку.

Готарзу, приблизив к себе, одарив землями и титулом батеза.¹⁰ И тут же потребовал отслужить, направив сына Хвасака послом к заклятым врагам парфянов – в Рим. Война окончилась, наступило время мира, и шахиншаху надобен был свой человек в стане недавнего противника.

С тех пор минул год, и вместе с пролетевшими днями отпали все страхи Готарза. Римский император Адриан был ласков с послом шаханшаха, положил Готарзу щедрое содержание и поселил на втором этаже многоэтажки-инсулы, принадлежащей вольноотпущеннику Пальфурию Суре.

По всему первому этажу инсулы тянулся ряд лавок, скрытый в тени портика, а ко второму этажу были приделаны лоджии, подпертые консолями из травертинского камня. По пилястрам лоджий и перилам карабкались выющиеся растения... Определенно, с улицы резиденция посла выглядела весьма респектабельно. Да и внутри было на что посмотреть – одни фрески на стенах чего стоят! А потолок, заделанный позолоченной алебастровой штукатуркой? А мозаичный пол, зимою обогреваемый воздухом, поступающим из подвальных печей? Разве не чудо?

Готарз, вялый и разбитый, выполз из-под одеяла, и ступил на теплый пол, попирая роскошную пышногрудую нимфу на мозаике.

Да, припомнил батез, Плавтия Ургуланилла была не хуже... Матрона наслаждалась изысканными пирожными непристойной формы и распалилась так, что овладела послом царя царей с неистовством Пасифаи. Да-да, не он – ею, а она – им! Готарз поморщился, с трудом ворочая свинцовые слитки мыслей.

...Они смаковали хлеб из пшеничной муки тонкого помола, набивали брюхо гусиной печенкой и трюфелями, выловленной в Таормине барабулькой и жирными пулянками... После жаркого Фортуната сплясала «кордак», ловко изображая пьяницу, а после та... как ее... черненькая и гибкая уроженка Гадеса, исполнила сладострастный танец. Ах, как она приседала, как дико вращала бедрами под стук кастаньет! И до чего же мерзки были эти римляне... О, Ардвичура-Анахита! Рыгать за римским столом в порядке вещей – это оправдывается философами, для коих следование природе – высшая мудрость. А бывший император Клавдий, будто в развитие их учения, издал указ, позволяющий издавать иные, связанные с газовой выделением шумы, от которых даже арабы воздерживаются...

Готарз простонал. Все бы хорошо, вот только зачем он столько выпил старого сетийского вина, столь жаркого, что оно «воспламеняло снега»!

– Ах, моя голова!.. – простонал батез.

И тут сквозь пульсирующую боль прорвался грохот – сухонькие пальчики слуги Фарабахтака легонько постучали в дверь.

– Войди! – страдающим голосом сказал Готарз.

В опочивальню вошел крепкий жилистый старик в парфянских шароварах, эллинском хитоне и в римских сандалиях. Он поклонился и доложил:

– Явился Луципор. Говорит, важные вести...

Решив покориться неизбежному, батез смирился:

– Пусть войдет.

Фарабахтак поклонился и вышел, небрежно кивая гостю. Гость, закутанный в рваный плащ, вошел, часто кланяясь. Отличался он густым рыжим волосом, произрастающим не только на голове, но на худых голенастых ногах, а по бледному лицу были щедро рассыпаны веснушки, почти сливаясь на большом красном носу, который, к тому же, был вздернут сапожком.

– Привет тебе, сиятельный! – искательно улыбнулся Луципор.

– Говори, – вздохнул Готарз.

Раб еще разок согнулся в поклоне и заговорил:

---

¹⁰ Батез – в современных понятиях – лорд.

– Ты мне заплатил, чтобы я... того... смотрел и слушал, что там преторианцы болтают. А если я важную весть сообщу, дашь еще?

Батез, припоминая, что он посол, сдержался и уточнил:

– А весть в самом деле важна?

– О, еще как! – с жаром сказал Луципор.

– Выкладывай – и получишь пять денариев.

– Десять!

– Хорошо, десять. Но если весть, принесенная тобой, пустяковая, я велю всыпать тебе десять плетей!

Луципор, волнуясь и торопясь, выложил всё, что подслушал в триклинии Сергия Корнелия.

Готарз до того встревожился, что позабыл о похмелье – вскочил и принялся ходить взад-вперед. Весть действительно была важная. Отсчитав десять денариев, батез подумал – и добавил еще пять.

– Держи, – сказал он, протягивая плату шпиону. – Шныряй за преторианцами повсюду. Узнаешь что-то еще, немедленно сообщи мне! Днем или ночью – не важно. Понял?

– Да, господин, – ответил Луципор, лаская пальцами монеты. – Будет сделано, господин.

– Ступай...

Рыжий раб скользнул за двери – и на пороге тут же застыл Фарабахтак.

– Найди мне ацатана Орода, – распорядился Готарз. – Где бы он ни был, пусть срочно идет сюда.

Старый слуга молча поклонился и вышел.

– Вай, моя голова... – сморщился батез. – Как же некстати ты подводишь меня...

Двумя часами позже Ород Косой, сын храброго Симака, был доставлен пред очи парфянского посла. Ород выглядел как типичный парфянин – невысокий и сухощавый, а острый, с горбинкой нос его словно раздвигал круглые щеки – как у тех крылатых быков с человеческими головами, что сторожили вход во дворец персидских владык. Вокруг пухлых губ курчавилась черная борода, завитая колечками по ассирийской моде, а сросшиеся брови нависали над пронзительными, зоркими глазами, изрядно косящими. Одетый в широченные шаровары и длинный кафтан из тонкой шерсти, с конической бараньей шапкой на голове, Ород выделялся в толпе римлян, но его это лишь забавляло и словно придавало значимости.

Происхождения Ород был незнатного, хотя и приходился дальним родственником одному вазургу – царскому вельможе из рода Каренов. Вазург и пристроил бедного родственника помощником посла.

– Искали, достопочтенный батез? – сказал Косой вкрадчиво, не забывая отвесить поклон.

– Искал, – буркнул Готарз.

Побродив по комнате, словно собираясь с мыслями, он начал с главного:

– Отряд фроменов¹¹ будет пытаться весною проникнуть в страну Хань, чтобы спасти своего посла.

Ород продолжал смотреть на батеза все также, не моргнув, не вздернув бровь. Готарз сердито засопел.

– Вижу, ты не понимаешь, насколько это опасно! – сказал с недовольством.

– Опасно? – удивился Ород.

– Именно! Или ты думаешь, это случайность, что еще ни один фромен не добрался до Ханьской державы? Нет! Мы не пропускаем туда ни одного чужака, а тем более фромена! Сказать почему, или сам догадаешься?

---

¹¹ Фромены – так парфяне называли римлян.

– Сказать...

– Шёлк!

– Что?

– Шёлк, дурья твоя голова! Купцы из парфян закупают шёлковые ткани у ханьцев и перепродают их фроменам с громадной наценкой. В этом секрет их богатства! А сказать, чьих кровей те купцы? Скажу, ибо сам ты недогадлив! Все они или Карены, или Сурены, или Михраны, или Гью. Теперь понял? Если фромены станут сами покупать шёлк у ханьцев, то всем нам грозит бедность!

– Даже царю царей? – слабым голосом поинтересовался Ород.

– Даже шахиншаху, ибо он – один из нас. Наши роды правят Парфией, несут славу своей земле, а домам своим – фроменское золото и серебро. Теперь до тебя доходит?

– Доходит, – бодро сказал Ород. – Этих фроменов, которые... э-э... осмелятся проникнуть в Хань, надо убить.

– Правильно! – сказал Готарз с оттенком удивления. – Надо же, дошло... Вот этим ты и займешься, Ород. Я приказываю тебе именем царя царей найти и уничтожить этих фроменов.

– Скажи мне, где они живут, – пылко воскликнул Ород, – и мой меч сразит их!

Готарз с сожалением посмотрел на него, и покачал головой.

– Не сейчас, – сдержался он, – и не здесь. Если убить этих фроменов на их же земле, это сразу станет известно, и на кого подумают? Верно, на меня. Нет, Ород, фромены должны исчезнуть. Именно исчезнуть! Стать пылью, стать гноем земным! Значит, ты должен будешь выполнить мое поручение где-нибудь за Фуратом – там фроменов никто искать не будет, там уже наши земли. Подстереги их в столице... Я дам тебе нужные грамоты к марцбану Тизбона, и он выделит тебе воинов...

– Сотню! – выпалил Ород.

– Хватит и полусотни. Кстати, знаешь ли ты, почему свой выбор я остановил именно на тебе?

Преданно выпученные глаза Орода выразили полнейшее непонимание.

– А потому, что ты разумеешь речь ханьцев и сможешь с ними объясниться. Так или не так?

– Так, достопочтенный. Когда мне отправляться в путь?

– Не спеши. Живи пока, веселись и радуйся. Фромены начнут поход не ранее апреля. Ты отправишься пораньше. Скажем... Через два месяца. Понял?

– А как же!

– Мои люди покажут тебе этих фроменов. Запомни их лица и голоса, чтобы не спутать. И помни – сейчас ты никто, и лишь благоволением твоего дяди поднят в ацатаны. Если же ты исполнишь данный мною приказ в точности и фромены исчезнут, как туман в жару, я обещаю замолвить за тебя словечко перед шахиншахом – и он еще больше возвысит тебя и род твой. Возможно, тебе будет дарован титул фратарака...¹²

– О! – расширил глаза Ород. – Арамазда¹³ свидетель, я буду стараться! Все сделаю, как ты велишь!

– Ступай, – помягчел Готарз. – Готовься и жди, когда тебя позовут.

Молодой парфянин, возбужденный картинами будущего величия, вышел, тихонько прикрыв дверь за собою.

«Какая почтительность...» – усмехнулся посол. И поразился – головная боль совершенно покинула его.

---

¹² Ацатан – «свободный», самый низкий титул, что-то вроде «шевалье». Марцбан – генерал-губернатор. Фратарак – князь.

¹³ Арамазда – парфянская форма имени бога добра Ахурамазды. Анахита – богиня плодородия.

Повеселев, Готарз подошел к бронзовой статуе Анахиты и согнулся перед нею в низком поклоне.

– О, Ардвичура-Анахита! – взмолился он. – Окажи нам помощь! Если ты отправишь руку Орода смести жизни фроменов с этой, созданной Арамаздой земли, я воздам тебе тысячу жертвенных возлияний из хомы и млека!

Древняя богиня по-прежнему хранила надменную улыбку всевластия и провидения. Зная всё наперед, она ничего не обещала...

Глава 2, *в которой Сергей делает первый шаг по дороге в десять тысяч ли¹⁴*

За ночь тучи рассеялись, утро выдалось холодным и ясным. Рябиновое солнце калилось, забираясь повыше в небеса, желтело, всплывая по-над горизонтом, выбелилось, переключилось на полную мощность, окатывая продрогшую землю первым теплом – это было как знамение, как провозвестие скорой весны.

Сергею Лобанову, привыкшему к русским морозам и метелям, римская зима казалась межсезонным похолоданием, недолгим и несерьезным. Реки и ручьи не замерзали, и не каждую ночь лужи затягивало тонким, как папирус, ледком. Кипарисы и лавры даже не думали желтеть и опадать, повсюду зеленела трава.

Но римляне зябли. Народ прятал ноги в вязаные обмотки, кутался в короткие шубейки из белых шкур киликийских коз, мохнатых овечьих, коричневых оленьих, рыжих лисьих. Из сундуков доставали стеганки, подбитые пухлой ватой египетского госсипия, и накидки из желто-коричневого, не отбеленного сукна, а люди побогаче грелись под теплыми плащами из бобрового меха.

На этом фоне штаны и куртки преторианцев не особенно бросались в глаза – тепло одетым варварам даже завидовали.

– Кажись, распогодилось, – сказал Эдик тоном заезжего из деревни. – Чай, к весне повернуло.

– Слышь, ты, крестьянин, – окликнул его Гефестай. – Ты, часом, не ошибся адресом? Тут, вообще-то, Рим.

– Знамо дело, – солидно ответил Чанба, – на том стоим. Куды ж бедному крестьянину податься?

– Топай, топай, сельхозпроизводитель, – проворчал Тиндарид. – Устроим тебе смычку города с деревней...

Лобанов не принял участия в веселой перепалке, он шагал впереди честной компании, ведя друзей за собой.

Преторианцы спускались с Палатина по Скала Анулярия – Лестнице Колец, названной так из-за близости к мастерским ювелиров. Скала Анулярия была широченной – шагов двадцать поперек! – и спадала по склону уступами: пройдешь пять ступеней – и площадка. Посередине лестницу разделял барьер, украшенный статуями. Римляне нескончаемыми толпами спускались и поднимались по ступеням. Вверх и вниз, как заведенные.

– Прямо эскалатор, – сделал замечание Эдик.

– Ага, – поддакнул Гефестай, – да еще в самый час пик! Откуда их столько набралось?

– И не говори! – энергично высказался Чанба. – Понаехали тут...

Выбравшись на древнюю Виа Сакра – Священную Дорогу, – четверка благополучно вышла к Форуму, своего рода Красной площади Рима. Это было величественное нагромождение громадных базилик и пышных храмов, тяжеловесных арок и монументальных статуй. Любой римлянин, попадая на площадь Форума, вытягивался, словно подрастая, и гордо распрямлял плечи, ибо Форум был центром Рима, центром великой империи, созданной поколениями знаменитых цезарей и безвестных тружеников.

Искандера сразу потянуло к Проходному форуму, нижней части улицы Аргилет, где торговали папирусами, а Эдик запросился в «супермаркет».

---

¹⁴ *Ли* – ханьская мера длины, приблизительно 0,5 км.

– Куда-куда? – вытаращился Тиндарид.

– Так наш Эдикус именует рынок Траяна, – объяснил Сергей.

– Ну давайте зайдем, – канючил Чанба, – все равно ж еще рано, успеем, тут до Септы пять минут ходу!

Искандер глянул на Лобанова, но тот не обратил внимания на нарушителя дисциплины – он заметил слежку. Четверо несомненных южан, парфян или сирийцев, закутанных в черные плащи, неотступно следовали за преторианцами с самого Палатина. «Кто ж это догадался установить за нами наблюдение? – терялся в догадках Сергей. – Или мерещится?»

Но нет, преследователи упорно топали за преторианцами, не догоняя и не отставая. Слежка велась очень непрофессионально, очень грубо – южане тупо шагали следом, а самый наглый и самый злой с виду постоянно вырывался вперед. Его отличала особая примета – сильное косоглазие, из-за чего полнощекое, недоброе лицо обретало пугающее выражение.

– Ну давайте сходим, – ныл Эдик.

Каково же было его изумление, когда Лобанов вдруг кивнул:

– Давайте.

Гефестая с Искандером тоже удивила необычная уступчивость командира, обычно твердого и властного, но Сергей дал негромкое объяснение:

– Идите, как шли, не оборачивайтесь. По-моему, за нами следят.

– Кто? – сделал большие глаза Чанба.

– Не знаю. Четверо смуглых в черном.

– Один из них косой? – поинтересовался Тиндарид, делая вид, что любит стену из огромных глыб пористого туфа, ограждающей форум Траяна.

– Точно.

– Тогда вперед. Если эти опять за нами пойдут, значит, точно слежка.

В фиолетово-серую плоскость стены-ограды, по высоте не меньше семиэтажного дома, была вставлена триумфальная арка из белого мрамора. Три ее пролета: средний – гигантский и два боковых – поменьше – выводили на обширную эспланаду. Глаза, видевшие эту необъятную плоскость, обманывали мозг – плиты цветного мрамора, замысловато чередуясь, создавали образ не площади, а пирамиды. Чудилось, что середина огромного прямоугольника, замкнутого колоннадами, поднимается выше, чем края. А в центре на постаменте полированного гранита возвышалась конная статуя почившего императора Траяна, отлитая из бронзы и покрытая золотом. Неколебимая, монументальная мощь!

– Пошли, пошли, – заторопил Сергей приотставших друзей. – Никогда не видели, что ль?

Роксолан зашагал к проходу между колоннами, и вышел к гигантскому, облицованному мрамором полукружью шестиэтажного рынка Траяна.

На первом этаже наружу открывались небольшие лавочки, где торговали цветами и фруктами. Этажом выше друг к другу жались обрамленные лоджиями с широкими арками длинные сводчатые залы, по которым деловито перебегали продавцы вина и масла. На третьем и четвертом этажах торговали испанской шерстью, пестрым халдейским шелком, тонким александрийским полотном, арабскими пряностями, жемчугом с берегов Эритрейского моря, алмазами из индийских копей, слоновой костью из Африки, и так далее, и так далее.

На пятом располагался парадный зал, где раздавали хлеб и заключали оптовые сделки, а на последнем, шестом, помещались садки рыбного рынка; часть из них соединялась трубами с акведуками, доставляющими чистую пресную воду, в другие же заливалась вода морская, набранная в Остии. Супермаркет!

– Подниматься будем? – спросил Гефестай.

– Зачем? – пожал плечами Сергей. – Наши «друзья» притопали за нами. Такая настойчивость достойна вознаграждения.

С этими словами Лобанов круто развернулся, и сделал пару шагов назад, неспешно вынимая из ножен свой верный акинак.¹⁵ Преследователи-«топтун» замешкались. Двигаясь по инерции, они едва не столкнулись с Сергием, а тот недолго думая уткнул острие меча в грудь косоглазому.

– Стоять! – холодно сказал Лобанов.

В косых очах черных, очах жгучих проглянула растерянность, тут же сменившаяся страхом и озлоблением. «Топтун» сжал кулаки, потянулся было под плащ...

Но рядом с принципом-кентурионом уже стоял Искандер, поигрывая сразу двумя мечами. Гефестай, приблизившийся с другого боку, красноречиво хлопывал плоской стороной гладиуса по открытой ладони.

Потом возник Эдик Чанба. Воинственно оперев руки в боки, он осведомился по-чекистски прямо:

– Кто такие? На кого работаете? Почему следите за нами? Не слышу ответа!

Криво улыбаясь, косой поднял руки, демонстрируя исключительное миролюбие, и отступил. Остальная троица тоже сдала позиции. Бросив гортанную команду, косоглазый круто развернулся, желая удалиться.

– Эй, вы куда? – рявкнул Эдик. – А ну, стой!

Лобанов положил руку ему на плечо.

– Пускай себе топают, – сказал он. – С дерьмом лучше не связываться.

– Они говорили на парфянском, – сказал Искандер задумчиво. – Не нравится мне это...

– Вывод: не расслабляться! – проговорил Лобанов, и указал прежний путь: – В Септу!

Преторианцы гурьбой миновали Ратуменновы ворота в древней городской стене и вышли на виа Лата – Широкую улицу. Их обгоняли суетливые римляне. Важно прошествовала матрона, капитальная женщина с величавой поступью слонихи. За нею семенили три рабыни, нагруженные шкатулками и корзинками с едой. Пыхтя от усердия, прошагал краснолицый мужчина в накидке с широким красным подбоем, положенным сенатору. Его сопровождали четверо дюжих рабов, откормленных, мордатых, лоснящихся.

Попалась навстречу весталка в длинном, до земли, платье, закутанная в плащ и белое покрывало. Ее голову охватывала шерстяная повязка. Весталка прошла мелкой походкой, едва поспевая за здоровенным ликтором, вышагивающим впереди. Ликтор, небрежно удерживая на плече вязанку прутьев, обмотанных красным ремешком, выпятив вперед челюсть, ступал широко, являя себя и любуясь собой.

По правую руку, за великанской базиликой Ульпия, маячила колонна Траяна – еще не облезшая до тусклой белизны паросского мрамора, а ярко раскрашенная, впереди же распахивалось Марсово поле, перегороженное десятками портиков.

Что такое портик? Всего лишь крытая галерея – два ряда колонн и перекрытие сверху. Но когда можно пройти всё Поле вдоль и поперек, не выходя из тени портиков, это впечатляет. Тысячи колонн из драгоценных пород мрамора поддерживали навесы этих галерей, а многие капители были отлиты из коринфской бронзы и позолочены, а пол инкрустировался яшмой и гранатом. Но не за эту роскошь любили римляне свое Марсово поле, а за красоту, умноженную мудрой заботой. Прекрасные здания, расположенные вокруг, вечнозеленый газон, венец холмов, спускающийся к самой реке, а главное – простор! Горожанин испытывал буйный восторг, когда вырывался из шумных теснин римских улиц на поляны и аллеи Марсова поля, где можно было вволю гонять на колесницах, гикая и свистя, и не мешать при этом любителям перекинуться в мяч, или тем, кто искал уединения. Места хватало всем.

---

¹⁵ Акинак – короткий (0,5 метра) меч, распространенный у парфян и сарматов. Приспособлен и рубить, и колоть. Гладиус, или гладий, – римский меч той же длины, что и акинак.

Огромные площадки, огороженные строгими линиями портиков, были засажены буками и миртами, лаврами и кипарисами. Своей платановой аллеей и бронзовыми скульптурами звезд славился портик Ста колонн, а портик Помпея мог похвастаться двумя пышными клумбами. Меж ухоженных зарослей блестели зеркала прудов, били фонтаны, струились водопады, а сотни прекраснейших статуй грелись на солнечных местах, радуя взор.

В общем, можно сказать, что Марсово поле было огромным парком культуры и отдыха. Но не только. В портиках копились бесценные сокровища – фрески на задних стенах, картины, статуи, восточные редкости. К примеру, под портиком Агриппы помещалась географическая карта империи – *Orbis pictus*, – а в портике Аргонавтов глазам ценителей представляла знаменитая картина, изображающая взятие золотого руна. В одном только портике Октавии, чья мраморная ограда обрамляла два храма-близнеца Юпитера и Юноны, помещались великолепные статуи работы Лисиппа, изображающие Александра и его военачальников в битве при Гранике. Тут же находились две Венеры – Фидия и Праксителя. Сотни картин знаменитейших художников были развешаны в портиках – и ни одному римлянину даже в голову не могло прийти красть их или портить. Что же говорить о будущих поколениях, от которых изваяния и полотна прятали в музеях, но даже это не спасало шедевры...

– О чем задумался, детина? – спросил Сергей, поглядывая на Искандера, шагающего с отрешенным видом.

– Да так, – откликнулся Тиндарид, – навеяло... Я все думаю, а не напрасно ли Адриан замирился с парфянами? Войну для того и ведут, чтобы добиться лучшего мира, но ведь этого нет. Адриан, по сути, просто отдал то, что было завоевано...

– «За что боролись?!», да? – криво усмехнулся Чанба.

– Именно. За что? Может, стоило продолжить дело Траяна? Пойти на жертвы, но присоединить Парфию?

Лобанов хмыкнул, а Эдик неожиданно серьезно сказал:

– Это Азия, Сашка. Азию можно завоевать, но победить – нельзя. Вспомни своего тезку, Александра Филиппыча Македонского. Завоевал всю Персию, а толку? Азиаты просто сделали его своим царем царей – и успокоились. А тому, видать, понравилось, когда царедворцы у ног его пресмыкались! Он и своих македонцев заставил на пузе ползать... Не-е, Восток – дело тонкое, он любого переборет и переделает по своему образу и подобию.

– Что да, то да, – уныло кивнул Искандер. – До сих пор в Селевкии правящая верхушка из эллинов, а проку от этого? Еще в моем детстве я видел золотой статер с изображением Просветленного, а имя его было выбито на эллинский манер – «Буддо». Представляете, как там все мешается, плавится, растворяется? Пройдет еще пара веков, и весь наш эллинизм полностью переварится Азией...

– Помню, – сказал Сергей, – Марций Турбон однажды разоткровенничался, стал вспоминать, как они вышли к Персидскому заливу и как император Траян расстраивался, глядя на горизонт, что уже немолод, а то бы взял да и поплыл Индию завоевывать, как Александр.

Ведь ему Парфия не была нужна, ему земли за Индом подавай! А он уже тогда выдохся, устал до потери пульса, да и годы брали свое. Годы – это раны, а раны – это хвори, это немощь, это когда всё без разницы... Наверное, он и сам понимал, что не удержать ему Парфии. Ну, взял он Ассирию, взял Армению, а дальше что? Он же самый краешек откусил, да и тот проглотить не смог – восстания пошли такие, что никакая резня не поможет.

– Просто Адриан – нормальный хозяин, – пробасил Гефестай. – Он решил сберечь то, что есть, стал созидать, а не разрушать. И правильно! Помните, по истории, как Бисмарк заклинал немцев не ходить войной на Россию? А Гитлер не послушал дядю Отто, попер, как дурак, на восток...

– Любопытная параллель, – улыбнулся Искандер. – И здесь Восток победил победителя!

– А то! – вдохновился сын Ярная. – Наша соседка, бывшая учительница, расстраивалась однажды, что Наполеон не победил Россию. Я, помнится, негодовал страшно, кипел патриотизмом. «Чужой земли, – кричал, – мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!» А она мне: «Зато, – говорит, – у нас бы не стало крепостного права, значит, и революций тоже бы не случилось!» Тогда я с ней спорил, а сейчас соглашаюсь...

– Кто его знает, – вздохнул Лобанов. – История никогда не восходила по спирали, ее путь, скорее, напоминал кривую электрокардиограммы – то пик взлета, то провал, то ровная линия застоя. Нет, Адриана я поддерживаю. С ним, считай, начался расцвет Рима. Но это же ненадолго...

– Проклятое знание будущего! – насупился Искандер. – Как же славно пребывать в неведении, оно и вправду счастливое! А когда всё знаешь наперед, прямо руки опускаются...

– А ты не мысли вселенскими категориями, – посоветовал ему Эдик. – Отвлекись от фундаментальных проблем и займись простыми и важными делами. Например, спасением консула...

– Ты прав... Нам сюда.

До Септы идти было недалеко, первая же галерея по левую руку – Оградный портик – была ее преддверием. Портик тянулся на целую милю, и под его сенью вели торговлю вещами дорогими и редкими, недоступными простолюдину.

Слева просматривался цирк Фламиния и сразу три театра – Бальба, Помпея и Марцелла. Когда преторианцы обогнули Оградный портик, их глазам открылась Септа Юлия, «Юлиева загородка», высокое квадратное здание, окруженное колоннадами. Давным-давно на этом месте стояла сколоченная из досок загородка, за которой проходили голосования. При Цезаре доски сменились мраморными колоннами и к ним добавились трибуны – загородка охватывала значительное пространство, так отчего же не устроить тут игры? Скоро все римляне прознали, что в Септе показывают много интересного – невиданных зверей жирафов, скажем, или гигантскую змею, цирковое представление или бой гладиаторов. Место стало настолько популярным, что поставленное рядышком здание Дириботория, где девятьсот судей подсчитывали голосовальные таблички, как бы и не к месту оказалось. Какие выборы? Какие еще центуриатные комиции? Гладиаторов давай! И зрелищ, зрелищ побольше!

– Ну, пошли, глянем на твоих циркачей, – расплылся в улыбке Гефестай.

– Давненько я в цирке не был... – протянул Эдик.

– Месяца два, как минимум, – подсказал коварный Искандер.

– А, это не то совсем...

Преторианцы прошли за колонны, где открывался один из тридцати с лишним входов в Септу, и поднялись на трибуну. Зрителей было не много, половина мест пустовала. Причем все старались устроиться на солнышке.

Просторная прямоугольная арена была присыпана песком и старательно «расчесана» метелками.

Сергий, пользуясь отсутствием особо важных персон, уселся в первом ряду – в ложе пятой трибуны.

Представление уже шло – по арене носился косматый лев, отлавливая перепуганных зайцев. Поймав очередного ушастого, хищник не терзал мелкую жертву, а относил дрессировщику. Зрители снисходительно смеялись.

Потом из ворот выбежал молодой слон. Задорно трубя и растопыривая уши, он описал круг и стал танцевать под звуки водяного органа-гидравлоса, наигрывающего плясовую. Потешив зрителей танцем, серый гигант показал утомительную сценку – разлегшись на громадном ложе, стал изображать римлянина за едой. Слон важничал, икал и весь измурзался в белой каше.

Зрители оценили мастерство укротителя смехом и недружными хлопками. Слон раскла-
нялся, усердно отмахивая ушастью головой и задирая хобот.

Римляне еще более оживились, когда на арену, расшвыривая песок, вылетела колес-
ница-трига, запряженная удалой тройкой белых верблюдов-мехари, а возницей восседала здо-
ровенная обезьяна.

Рыжий примат весело скалился, размахивая кнутом, и верблюды, задирая надменные
головы, мчались по неровному кругу.

Зрители свистели от восхищения.

– Сейчас уже «охоту» начнут, – забеспокоился Искандер, – где же наши кудесники?

Словно для его успокоения, на арену выскочили пятеро мужиков в мохнатых пятнистых
шкурах мехом наружу. Все они здорово напоминали пещерных людей, разве что бритых и
стриженных по римской моде.

Пятерка затерялась на огромной арене, разбрелась и начала выступление. Двое запалили
кучу факелов и стали ими жонглировать, перебрасывая друг другу, третий крутился вокруг,
ходил колесом и делал сальто. Акустика была превосходной, и залихватские «Оп-ля!» акробата
разносились по всем трибунам.

Четвертый и пятый из циркачей сняли с себя шкуры, оставшись в одних набедренных
повязках, и надели на головы пышные индийские тюрбаны, взблескивающие стекляшками.

– Типа, йоги, – определил Эдик.

– Типа, факиры, – поправил его Искандер.

Оба оказались правы наполовину. Один из цирковых, натянувших тюрбан, сперва скру-
тился в сложную асану, почти завязавшись узлом, после чего распутал ноги и руки, и возлег на
доску, утыканную шипами. Этот смертельный номер сопровождался рокотом большого бара-
бана, по которому самозабвенно лупил акробат, отвлекшийся от прыжков и кувырков.

Пока «йог» лежал в позе покойника, сложив руки на груди, его партнер подхватил факел,
переданный ему жонглером, отпил какую-то гадость из бутылочки, и тут же исторг ее в виде
клубящегося пламени.

Только тут избалованная публика оценила мастерство артистов и вяло захлопала.

Йог, между тем, остался один. Покинув свое колючее лежбище, он разлегся прямо на
холодном песке. А потом показались его друзья, ведущие молодого слона, наверное, того
самого, что изображал едока в триклинии. Акробат снова заколотил в барабан.

Два жонглера положили на грудь «йогу» крепкую доску – без гвоздей! – и подвели слона.
Акробат неистовствовал, выбивая из своего ударного инструмента отчаянную дробь, а живот-
ное осторожно ступило на доску, придавливая артисту грудь. Зрители замерли.

Слон, повинувшись неслышной команде, поставил на доску обе передние ноги, хоботом
снимая с головы лежащего тюрбан, потом тем же манером сошел на арену. Доску убрали, «йог»
неспешно поднялся, и трибуны встретили его аплодисментами. А слон нахлобучил циркачу
отнятый головной убор.

– Молодцы! – сказал Тиндарид с оттенком удивления. – Надо же, ублажили такую пуб-
лику.

– Значит, будет чему научить нас, – подвел черту Сергей.

Пятерка цирковых повертела головами, отыскивая пятую трибуну, и Эдик с Гефестаем
оба замахали руками – мол, сюда двигайте, ждем-с. Артисты кивнули вразнобой и скрылись.

А в толпе стало заметно оживление – начиналась венацио, так называемая «охота», а
проще говоря, живодерня, предвестница будущих коррид.

Под хриплые звуки фанфар на арену выступили бестиарии и венаторы, вооруженные
короткими охотничьими копьями и кинжалами. Бестиарии были менее почитаемыми, чем
венаторы, хотя их роль на арене была куда опаснее – они должны были выгонять зверей из

клеток и злить их. А в задачу венаторов входило убивать разозленных животных, что, впрочем, тоже не назовешь простым делом.

Под гром аплодисментов отворились огромные ворота, и на арену выволокли бутафорского кита. Громадная пасть из разрисованного дерева открылась, и емкое чрево исторгло с десяток каледонских медведей, злобных, оттого что их пробудили от спячки и заставили покинуть уютные берлоги. Следом, брыкаясь, выскочили десять ширококорогих оленей, проскакали ржущие дикие лошади и десять могучих кипрских быков. Последними выбежали мавританские страусы, раскрашенные киноварью.

Сергий почесал в затылке, оценивая идею неведомого массовика-затейника, и решил, что кит, скорей всего, не вместилище на манер ноева ковчега, а проходной коридор. Иначе все эти твари в «чудо-юдо рыбу-кита» попросту бы не влезли, даже если их утрамбовать... О, там еще и хищники!

Сотрясая воздух оглушительным ревом, показались черногривые львы, заструились полосатые тигры, заматались пятнистые леопарды, припадающие к земле и скалящие клыкастые пасти.

Животные разбежались по арене, вступая в поединки между собою, охотясь или убегая.

Бестиарии принялись сражаться между собою хищников, и вот пролилась первая кровь – громадный медведь погнался за неловким бестиарием. Зверь мчался, как скаковая лошадь, и ударом лапы снес человеку полголовы.

Трибуны взвыли от восторга.

Венаторы распределились, желая показать всё свое мастерство. Парочка «охотников» понеслась к улитке-коклее, похожей на большую бочку с вращающимися дверями. Разъяренный медведь, испробовавший человеческой крови, навис над одним из венаторов, тот юркнул в коклею и присел на колени, а тяжелая дверь с размаху треснула животное по морде. С обиженным ревом мишка отскочил прочь.

Другой участник представления быстро спрятался за переносной тростниковой стенкой, сворачиваясь клубком, как ёж. Легкая решетчатая плетенка окружила человека встопорщенными тростниковыми прутьями, будто иглами. Злобно харкающий тигр обнюхал «ежа» и потерял к нему всякий интерес.

На арену выскочили тавроценты – бойцы с быками. Вспрыгивая на спины рогатых бестий, они пытались прикрепить к их смертоносным рогам цветные ленточки. Громадные пятнистые быки взрывались от ярости – центнеры стальных мышц гнулись и изгибались, – мощно подпрыгивая и закидывая на спину рогатые головы. А тавроценты каким-то чудом удерживались на необъятных бычьих спинах, гикали и потрясали копытами.

– Это вам не родео какое-нибудь! – прокричал возбужденный Эдик. – Это туры! Буйволы!

Гефестай сложил ладони рупором, и прокричал:

– Таврарий, смелее в бой!

Будто прислушавшись к этому пожеланию, один из таврариев соскочил с лежащегося быка и воткнул копьё древком в песок. Взбешенный бык бросился на человека, тот резво отпрыгнул в сторону, и крупная рогатая скотина с разбегу напоролась на копьё...

А слева, на пустой части арены, бестиарии сражали зверей, чьи пути в природе никогда не пересекались – льва выставили против сонного от холода крокодила, медведя против малоподвижного питона, а тюленя против волка.

Венаторы тоже разошлись – вопя и воя, они разбежались с гибкими шестами в руках, опираясь на них, прыгали навстречу тиграм или львам, исходящим ревом. Хищник и человек устремлялись друг к другу в прыжке – венатор разворачивал свое тело и плашмя падал на зверя, накрывая того живой аркой. Гигантские кошки приседали, пружиня лапами, хлопались

брюхом о песок, а когда подпрыгивали, хлеща хвостами, их обидчики уже всюду неслись к «ежам» и «кокляям»...

– Явились, – проворчал облегченно Искандер, – не запылились...

Сергий отвлекся от кровавого зрелища и глянул в проход. Пятеро циркачей, уже переодевшиеся, закутанные в одинаковые плащи из беличьего меха, пробирались между рядов, неуверенно оглядываясь.

– Сюда, сюда! – призывно крикнул Искандер и сделал приглашающий жест.

Цирковые с подозрением посмотрели на четверых варваров, и Сергей решил внести ясность.

– Не судите по одежке, – сказал он веско. – Я – принцип-кентурион претории и готовлюсь к выполнению задания, отданного самим кесарем.

В доказательство своих высоких полномочий Лобанов сунул цирковым под нос кожаный квадрат с императорской печатью, служивший пропуском во дворец, где преторианцы стояли на часах. Лица артистов выразили почтение.

– Имена наши вам знать не обязательно, – продолжил Роксолан, – можете называть меня Сергием, а его, – он показал на Искандера, – Александром.

– Портос! – представился ухмыляющийся Гестай.

– Эдикус! – отрекомендовался Чанба не без напыщенности в тоне.

Цирковые выразили радость от знакомства и назвали себя. Плотного, налитого здоровьем акробата звали Фульвию Цепионом, худого, но жилистого «йога» – Пареллием Фавстом, его огнедышащего друга, высокого и тощего, – Пассиеном Криспом, а двое жонглеров носили похожие имена – Местрий и Меттий. Они и внешне казались двойняшками – оба коренастенькие, крепенькие, как грибы-боровички.

– Будем знакомы, – благожелательно склонил голову Сергей. – А теперь к делу. Префекту претории стало известно, – сказал он внушительно, – что вы собрались в страну серов, дабы выступить при дворе тамошнего императора. Это так?

– Д-да, – вымолвил Пареллий-йог. – А разве это запрещено?

– Мы просто хотим подзаработать, – добавил Пассиен-факир.

– И сколько вам обещано?

Цирковые замаялись, но все же выдали коммерческую тайну:

– По двадцать золотых на брата.

– Всего-то? – выразил свое изумление Эдик.

– Двадцать золотых! – возвысил голос Пареллий. – Разве это мало?

– Вы должны встретиться со своими ки... э-э... провожатыми из Серики? Где именно?

– В Афинах. Это как раз по дороге в Антиохию, откуда уже недалеко до страны серов...

Нашупав слабое место, Сергей усмехнулся.

– Недалеко, говоришь? А как, по-твоему, Британия отсюда близко?

– О, это очень далеко! – воскликнул Местрий. – Это самая окраина!

– Так вот, – внушительно сказал Лобанов. – Страна серов находится еще дальше. В десять раз дальше! И там нет гладких римских дорог, путь туда лежит через соленые пустыни, через горы такой высоты, что наши Альпы по сравнению с ними просто жалкие холмики. Если вам повезет, и вы не свалитесь в пропасть, не умрете от жажды, не падете со стрелой в груди, то до Серики доберетесь через полгода, а в обратный путь направитесь лишь год спустя, ибо зимой горы непроходимы.

Пораженные, циркачи переглянулись.

– Так что же, выходит, нас обманули? – сказал Пареллий упавшим голосом.

– Вас не обманывали, – взял слово Искандер. – Просто не сказали всей правды. Видимо, этим серам из Афин было дано строгое указание – доставить римских фокусников во что бы то ни стало, дабы ублажить своего правителя. Вы сами-то видели их?

– Да нет... Мы получили приглашение на красивом таком, папирусе... На папирусе, который делают серы.

Ну, и решили его... того... принять. Приглашение, я имею в виду. Писец в Александрии так и отписал в Афины – дескать, согласные мы. Только в Рим собрались, денег подкопили, как нам опять грамотка пришла – с печатью, всё, как полагается. Серы нас всё благодарили и подробно объяснили, где их искать по весне...

– Вот что, – вернул инициативу Сергей. – Мы с вами не для того разговариваем, чтобы напугать вас дальней дорогой и отбить желание направляться в Серику. Дело в том, что нас самих посылают туда по важному государственному делу и прибыть ко двору императора серов нам лучше всего под видом бродячих артистов, вроде вас. О цели нашего похода умолчим. А теперь слушайте мое предложение. Вы нас обучите за февраль и март своим умениям, и мы отправимся в Афины к вашим провожатым, а после отправимся в Серику, будто мы – это вы. А вам, как наставникам, будет заплачено по двадцать золотых.

– Каждому! – вставил Эдик.

– Именно, – подтвердил Лобанов.

Циркачи переглянулись, недоверчиво, но и обрадованно.

– А не обманете? – спросил Пассиен Крисп с сомнением.

Вместо ответа Сергей достал из кошелька десять золотых ауреусов и раздал их – по две монеты в одни руки.

– Это аванс, – сказал он. – В марте получите полный расчет. Но с уговором!

– С каким? – спросил повеселевший Крисп, любуясь блеском новеньких аурей.

– Как только вы получите деньги, вы должны будете уехать из Рима подальше, куда-нибудь в Галлию, и не светиться – для нашей и вашей безопасности. Согласны?

– А чего ж? – бодро сказал Пареллий. – Согласные мы!

– Тогда собирайте свои манатки и двигайте за нами. Жить будете у нас, кормежка наша – учеба ваша. Пошли!

Преторианцы и циркачи, не досмотрев «бой быков», удалились.

Обратно на Палатин поднялись со стороны реки, по кливус Викториа – парадному взвозу Победы десяти шагов ширины – и свернули в неширокий проулок, зажатый глухими каменными стенами. Стена слева, наклонная, выложенная из блоков-квадров, уходила на высоту трехэтажного дома, единственные ворота в ней были заперты.

– Это запасной вход в наш дом, – пояснил Сергей, – сюда подъезжают телеги с припасами.

– И прямо в погреба! – дополнил Эдик.

– Большой у вас дом, – несмело вымолвил Пареллий.

– А то! – отозвался Чанба.

Проулок шел вверх, и правая стена постепенно понижалась, пока, уже за поворотом, не перешла в череду кованых решеток меж мощных гранитных столбов, увенчанных бронзовыми грифонами.

– И это все ваше?! – изумился Местрий.

– Да вот, – небрежно сказал Эдик, – купили по осени. Жить-то надо где-то...

– Да-а... – впечатлились цирковые.

– Вы вот что, – предупредил Сергей. – Дом с трех сторон окружен парком, и вам туда лучше не соваться...

– Леопардики могут скушать, – вмешался Эдик. – Его они уважают, – показал он на Лобанова, – нас знают, рабов кое-как терпят, а вот с вами они не знакомы. Тут к нам однажды грабитель забрался... Короче говоря, мы только недавно узнали об этом, когда обглоданные кости нашли у фонтана – видать, киски запивали питательный обед.

– Не слушайте его, – улыбнулся Сергей, – никого Зара и Бара не съели. Хм. По-крайней мере, в этом году...

– Но могли! – упорствовал Чанба.

– Могли...

Сергей на правах хозяина отпер калитку в монументальных воротах, сквозь которые просматривалась подъездная аллея.

– Заходите.

Лобанов двинулся к дому, выглядывающему из-за кипарисовых зарослей, и тут, раздвинув мордой кусты, на аллею вышла леопардиха Зара. Мощно муркнув, она боднула Сергея в бедро, подлащиваясь, и принцип почесал у «киски» за ухом, приговаривая:

– Хорошая Зарочка, хорошая...

Довольно заурчав, Зара тут же напрягла стальные мышцы, и низкое утробное рычание застудило кровь в жилах циркачей.

– Свои, Зара, свои...

Леопардиха отмякла и канула в заросли. Напоследок донеслось ее недовольное фырканье.

– Киска! – выдавил Пассиен-факир и нервно хихикнул.

– В дом они не заходят, – успокоил его Эдик и добавил, как бы в раздумье: – Наверно...

Еще не отойдя после встречи с «леопардиком», циркачи вошли в домус через роскошный вестибул, который был отделан александрийским мрамором, инкрустированным тазосским камнем. Гости были потрясены – все вокруг дышало несметным богатством, на фоне которого их жалкие сто ауреусов тускнели, превращаясь в желтые осенние листочки, в стертые медяки.

– Немного сощурьте глаза, – предложил Лобанов, – а то выпадут. И не держите нас за толстосумов, мы воины, а не торгошники.

– Мы нашли сокровища, – сказал Искандер, – и решили переехать в этот дом.

– У-ух! – только и выдохнул Пареллий.

Цирковых провели в атрий, они только начали успокаиваться, когда к ним из перистилия явился самый настоящий циклоп – огромный лохматый великан с мрачным выражением изуродованного лица, на котором свирепо горел единственный глаз. Гости оцепенели.

– Здорово, – прогудел великан.

– Привет, Киклопик, – ответил Сергей, и обратился к цирковым: – Знакомьтесь, это наш домоправитель. Рабы относятся к нему с величайшим почтением и слушаются беспрекословно.

– Ну так, еще бы... – слабым голосом проговорил Пассиен.

Киклоп ухмыльнулся (отчего окончательно стал похож на людоеда, предвкушающего вкусный обед из пяти блюд) и пророкотал:

– Триклиниарх все приготовил. Комната для гостей тоже готова. Купальня согрета, Леонтиск расстарался.

– Отлично, сразу и начнем. – Обернувшись к циркачам, Сергей уведомил их: – Поучите нас до обеда, потом перекусим, отдохнем с часок и продолжим наши игры...

– Как скажете, – смиренно ответил Пареллий.

Так у них и повелось с январских ид.¹⁶ После легкого завтрака преторианцы обучались всяким цирковым штучкам, вроде фокусов и жонглирования кинжалами, и так до самого обеда. Подкрепились, полежали, и опять всё заново, до самого ужина.

К марту Сергей научился выдувать огонь, выпуская столбы пламени шага на три. Было противно брать в рот горючую смесь. Утешало то, что имевшие с нею дело не болели бронхитом.

---

¹⁶ Иды – середина месяца. Ноны – 7-й день марта, мая, июля и октября, 5-й день прочих месяцев.

А уж ловкости, гибкости, быстроте реакции преторианцы и сами бы могли поучить циркачей.

Навыки закреплялись до мартовских календ, когда начались Матроналии. В этот день социальный порядок переворачивался: матроны сами накрывали стол своим рабам, чтобы побудить тех получше работать в будни. А мужа подносили своим женам подарки в память о легендарном примирении сабинянок с их предками.

Незадолго до ид римляне провели ежегодный ритуал – мужчину, названного Мамурием Ветурием и переодетого в звериные шкуры, изгнали из города ударами палок, а впереди процессии подпрыгивали жрецы, колотящие в щиты.

Но это был лишь канун праздника. Следовало дожидаться первого полнолуния и мартовских ид, дня Анны Перенны, когда народ радостно воздавал почести новому году.

В иды римляне запрудили берега Тибра. Они гуляли, пили, валялись на траве с подругами, многие – прямо под небом, немногие ставили палатки или строили себе шалаши из зеленых ветвей.

Сергий и Тзана, по примеру соседей, соорудили подобие юрты из тростников, покрыв их сверху одеждами.

Они лежали рядом, болтая обо всем, занимались любовью, молчали вдвоем. Девушка ни слова не говорила о предстоящей разлуке, и Лобанов был благодарен ей – он ненавидел прощаться.

А праздник только набирал обороты. Отовсюду неслись крики и здравицы. Разогретые солнцем и вином, римляне желали столько лет жизни, сколько человек мог осушить чаш.

Римлянки, распустив волосы, водили неуклюжие хороводы, оступаясь и падая, хохоча и визжа, а их милые друзья распевали песни, «сопровождая слова вольным движением рук».

Да и что было делать жителям Великого Рима? Ведь в мартовские иды все дома в городе захватили духи!

Правда, и после ид не все спешили возвращаться домой, ибо в четырнадцатый день до апрельских календ начинались Квинкватрии, праздник в честь богини Минервы. Один праздник незаметно переходил в другой.

В этот день школьники освобождались от занятий и передавали плату своим учителям, прерывались военные действия, начинались конные процессии и все, кто только мог, приносил бескровную жертву лепешками, медом и маслом.

За неделю до апрельских календ преторианцы сполна расплатились с артистами цирка. Наставники, счастливо позвякивая золотишком, отправились «на гастроли» в Британию, а Сергий сотоварищи явился пред ясны очи префекта претории Марция Турбона.

– Мы готовы, сиятельный, – доложил принцип-кентурион.

– Пусть боги отведут от вас беды и даруют успех, – пожелал префект. – В Остии вас ожидает либурна «Аквила», она доставит вас куда надо. Повстречаетесь в Афинах с серами и на том же корабле поплывете в Антиохию. Не напрягайся, принцип – либурна, хоть и входит в состав Мизенского флота, будет изображать купеческое судно. Чужаков-серов ничто не должно насторожить. Ступайте. Буду ждать вас обратно осенью. Вас – и консула.

Глава 3, *в которой преторианцы постигают восточную премудрость*

До Остии преторианцы добрались тем же утром и, не теряя времени, проехали к порту Траяна – колоссальной гавани, выкопанной в форме шестиугольника со стороны в четыреста шагов, окруженной колоннадами и гигантскими зернохранилищами. Закромами родины.

Гавань была полна кораблей – боевых трирем и купеческих понто, а у причалов швартовались две ситагоги – «Изида» и «Сиракузы», – прибывшие с грузом египетской пшеницы. Это были корабли-зерновозы, под стать гавани – каждая ситагога брала на борт столько хлеба, что его не перевесили бы и три тысячи быков.

– Хлеб – наше богатство, – не удержался Эдик от комментариев.

Либурну «Аквила» Лобанов нашел не сразу. Но нашел. Это был быстроходный корабль с одинаковыми форштевнем и ахтерштевнем, отличавшимися лишь наличием спереди тарана.

– Это, чтобы зря не разворачиваться, – просветил товарищей Чанба, – он задом плавает не хуже, чем передом.

– Не задом, – внушительно сказал Гефестай, – а кормой! И где ты видел у корабля перед, а, мышь сухопутный? Там нос!

– Моряк, – пробурчал Эдик, – с печки бряк...

Либуерна вытягивалась в длину почти на сорок шагов, а по каждому борту имела два ряда весел. Если трирему можно было кое-как приравнять к крейсеру, то либуерна была вроде тяжелого эсминца. На мачте, выше рея со скатанным парусом, полоскался лазоревый флаг с четкой прорисью «SPQR»,¹⁷ обозначавший принадлежность корабля к императорскому Мизенскому флоту.

По гулкому трапу преторианцы взошли на борт. Сергей передал письменный приказ префекта претории молчаливому командиру либуэрны, тот внимательно прочел документ – раза три, как минимум. Дважды оглядел пергамент с обратной стороны, понюхал даже. Сергию не терпелось предложить ему попробовать приказ на зуб, но он сдержался.

А командир кивнул только – и перепоручил пассажиров своему помощнику, длинному как жердь парню деревенской наружности с развалистой походкой моряка.

– Меня зовут Либерий, – осклабился он. – Если что будет нужно, обращайтесь ко мне. Либуерна у нас хорошая, новая почти, ходкая. А главное, кок замечательный! Сегодня обещал приготовить свою знаменитую тушеную рыбу. Поверьте, это блюдо стоит рукоплесканий! Вся команда с утра слюною давится, всё обеда ждет...

– Мы согласны похлопать вашему коку, – улыбнулся Сергей. – Когда отходим?

– А вот сейчас и отходим! Приказано поторапливаться...

Преторианцы устроились на корме, а матросы забежали по палубе, отдавая швартовы, и вот сто двадцать весел дружно ударили по тихим водам гавани, повлекли либурну к широкому каналу, выводящему в море.

Через час только громадная башня маяка, Тирренского Фароса, виднелась за кормой. Либуерна распустила парус, запягая попутный ветер, и легла на курс.

Шли остаток дня и всю ночь, а на рассвете грозный гул, перебиваемый громовыми раскатами, прокатился по притихшему Тирренскому морю. На палубы повыскакивали даже сменившиеся с вахты – какой тут сон, когда на юге свет кончается?!

---

¹⁷ SPQR – Senatus Populus Que Romanus (лат.) – Сенат и народ римский – официальное наименование римского государства.

Сергий вместе с Эдиком покинул шатер, растянутый на корме. Справа по курсу поднималась колоссальная черно-серая туча, медленно восходящая к небу и расплывающаяся исполинской «пинией».

– Это вулкан Стронгила!¹⁸ – крикнул Искандер.

Величественное зрелище – извержение! Умом понимаешь, что вулкан – всего лишь пора на земной коре, но – потрясает. Темная колонна распыленной лавы возносилась прямо вверх до высоты в тысячи саженей и расширялась в виде черного, изрезанного молниями гриба, откуда дождем сыпались докрасна раскаленные камни-бомбы. Взрывы раздавались в частом ритме, сливаясь в глухой рокот, на сотни локтей выбрасывая куски шлака, пылающие яркой желтизной.

Медленно выступал из утреннего тумана остров Стронгила. Солнце коснулось огнедышащего конуса и через несколько мгновений залило весь остров, поднимающийся из фиолетового моря – пояс редкой растительности, бурые обрывистые утесы, крутые черные склоны, красноватые нависшие скалы.

– Митра Многопастбищный... – прошептал Гефестай, задирая голову. – Во где мощь!

Чудовищная «пиния», грозная туча, пополняемая миллионами тонн пепла, все больше и больше раздувалась, образуя подобие невероятного размера черного кочна цветной капусты. Ужасающий непрерывный грохот сотрясал вулкан, снопы бомб с глухим гудением устремлялись вверх и рассыпались в вышине, пронизывая воздух свистящими звуками падения. Вот, опять – сильный толчок, трескучий удар грома полнит уши, и в воздух взлетает букет красных ядер, медленно описывающих дымные кривые.

– Смотрите, смотрите! – загомонили на палубе.

Потоки лавы, казавшиеся дрожащими за пеленой раскаленного воздуха, хлынули по черному изрытому склону. Небыстрой рекой расплавленного золота потекли в забуллившее море.

А десятки широко открытых глаз упивались жуткой красой, равняющей смертных с владыками мрачного Тартара.¹⁹

Блестящий желтый цвет огненно-жидкой массы переходил в красноту, дым над кратером окрашивался в фиолетово-багровый колер, сгущаясь в черные с синеватым отливом тучи...

Обойдя вулкан на почтительном отдалении, либурна взяла курс на Мессанский пролив. В редком утреннем тумане остров Стронгила становился все меньше и меньше, пока и вовсе не канул за горизонт, но черная туча еще долго маячила у окоема, а долетавший гул оживлял тускнеющие воспоминания.

В разгар дня показалась земля прямо по курсу. Справа тянулся берег Сицилии, а слева стлались земли Калабрии.

Пройдя узкий Мессанский пролив, либурна вышла на простор Сицилийского моря, и где там была Скилла, а где Харибда, никто толком не понял. И преторианцы сошлись во мнении, что эллины суть хвастуны и зело брехливы...

Переход через Ионическое море прошел без тревог, если, конечно, не считать беспокойства Сергия за оставленную Тзану. Лазурь вод отражала лазурь небесную, и еще неясно было, какая из них пронзительней и чище.

Время, и без того медлительное и тягучее на излете античности, в море будто вовсе остановилось. Либурнарии плели снасти под чутким руководством канатного мастера. Нашли себе дело и преторианцы.

Гефестай пристрастился ловить рыбу для своего возлюбленного кока – тягал из моря то полутораметровых змеевидных лихий, то кефаль, то еще что-то, трепещущее и топырящее

---

¹⁸ Ныне Стромболи.

¹⁹ Тартар – глубочайшая бездна. По верованиям эллинов, была настолько же удалена от поверхности земли, насколько земля удалена от неба.

плавники. Искандер сошелся с командиром либурны, оказавшимся «миксэллином» из Ольвии, полугреком-полусарматом. Римлян он недолюбливал, хотя императору служил верой и правдой. Имени его Сергей не упомянул, а прозвище у миксэллина было Скирон – по имени северо-западного ветра.

Тиндарид взбалтывал излюбленный напиток греков – кикеон, смешивая вино с ячменной мукой и тертым сыром, и новые друзья устраивались на носу либурны, степенно обсуждая мировые проблемы.

Эдик Чанба был занят тем, что приставал ко всем, умеренно мешая жить и трудиться, а Сергей тупо отдыхал, греясь на солнышке и любясь морскими просторами. Иногда ему надоело числиться в отдыхающих, и тогда он переходил в стан думающих.

Огромность окружающего пространства, покой и чистота мира волей-неволей наводили на мысли возвышенные. Сергей забирался на туриту – квадратную деревянную башню между средней мачтой и еще одной, маленькой и наклонной, несущей над форштевнем парус «артемон». В бою верхнюю площадку туриты занимали стрелки, тут же были установлены «скорпионы» – маленькие баллисточки, вроде великанских луков, для метания по врагу копий и дротиков. Но, пока не сыграна тревога, на площадке было пусто, и Роксолану никто не мешал – размышлял сколько влезет. Влезало порядочно. Маета будней отнимала много сил, загружала сиюминутными заботами и погружала в реальность с головой. И только в море, когда отпали сухопутные тревоги, а время длилось, создавая запас, Сергию удавалось, так сказать, отстроиться, взглянуть на дела свои извне... И зажмуриться в крайнем потрясении.

Господи! Они настолько свыклись со своей нынешней жизнью, что давно перестали трясти головами в обалдении. Гефестай, сын Ярная из Пурашупуры и Александрос, сын Тиндара Селевкийского, родились в этом времени и вернулись в «родной» век, отрочество, юность, молодость проведя в Советском Союзе рядом с ним, вместе с ним – Серегой по кличке «Лоб». Эдика он встретил уже после школы, когда отца перевели служить в Абхазию – как раз накануне войны с грузинами...

Лобанов усмехнулся: что ты прячешься, Лоб, за хронологией и биографией? Разве в них дело? Ты лучше скажи, как всё это уместить в простой человеческой башке? Ведь его судьба ровно ничем не выделялась из миллионов судеб таких же Сергеев, Викторов, Михайлов и прочих Мамедов. Отслужил в армии как надо и вернулся, дембельнувшись в звании старшего сержанта, устроился в транспортный цех, окончил заочно политех, завел свое дело – починал иномарки.

Эдик у него был главным механиком... А Искандер выучился на врача, заведовал поликлиникой в таджикском ауле. Гефестай, хоть и любит прикидываться туповатым увальнем, тоже отпробовал прелестей «универа». На геолога выучился кушан. Или на химика?.. Короче, на геохимика.

И вот эти обыкновенные жизни, четыре мировые линии, вдруг скрутило и утянуло в дебри времен, вплело в бытие античного Рима...

Пока ты отбиваешься от чужих мечей, удираешь от превосходящих сил противника, об этом даже не задумываешься, но стоит остаться наедине надолго... Сразу наваливается вся эта полуволшебная невероятность и баланс между обычным и сверхъестественным теряется – ты отчаянно ищешь равновесие между реальным безумием и безумной реальностью.

Он долго маялся, ища опоры в чужом времени, пока не влюбился в дочь сенатора Авидию Нигрину. Авидия вернула ему ощущение полноты жизни, она посадила его на землю, одновременно вознеся к небесам. К здешним небесам. Сергей вжился в этот мир – чистый, прекрасный... И очень жестокий: возлюбленную он потерял...

Лобанов прислушался к себе – да, боль при этом воспоминании всё еще возвращается. В груди теснит, рождая вздохи... Красавица Неферит излечила Сергия Корнелия от тоски, а

раскрасавица Тзана ворвалась в его жизнь, занимая ее уже целиком, не оставляя места соперницам...

Сергий собрался было погрузиться в одиночество, но тут на туриту взобрался Эдик и воскликнул:

– Земля, однако! Шибко-шибко большой!

– Вот тундра... – проворчал Лобанов.

– Зачем чукчу обижаешь? Нехорошо, однако!

– Оленей паси... Стоп! Слушай, Эдуард Батькович, а ты не забыл, как у меня главным механиком припахивал?

Чанба вытаращил глаза.

– Да как же мое пролетарское нутро может забыть этот период угнетения? – сказал он, старательно изображая горечь. – Все помню, эксплуататор! Как ты наживался на моем подневольном труде, как...

– Цыц! А не жалеешь о том времени?

– А, вот ты о чем... – затанул Чанба и даже погрузился. Стоя на ступеньках, он облокотился о парапет туриты. – Знаешь, иногда жалею. Не хватает старых приятелей, девушек знакомых, просто московских улиц. А ночные клубы? А телик? А кино? Но, ты знаешь, я быстро успокаиваюсь. Я же человек простой, мою душу не трепало высокими порывами. Мне вполне хватало моей работы – любил я свои железяки. И пивко с друзьями, и комп с Интернетом – заходишь на порносайты, а потом чатишься с какой-нибудь «Киской точка ру»... Да, это я потерял. Но нашел-то еще больше! Разве мог я в том времени жить в таком доме? Пить фалернское? А девушек – их в Риме достаточно... Кстати, мы не зря с Гефестаем спелись, он такой же пролетарий, как и я.

– Разве? – усомнился Сергей. – А его вуз?

– Какой вуз? Он в Баку работал, нефтяником. Начальство настояло, вот он и поступил. А толку? До третьего курса еле дотянул – и ушел! Потому как не его это. Знаешь, я сейчас подумал... Даже Искандеру тут, в античности этой, лучше.

– Ага! Что ж он тогда мается постоянно? «Никаких научных новостей...»

– Ой, да слушай ты его больше! Ха! Наука! Какие там были новости? То физики расколупают материю, еще одну частицу найдут, то генетики склеят пару нуклеотидов и радуются, как дети. А открытий-то нет! Космология по швам трещит, физика качается, но этим ученым не до поиска истины, они бросаются авторитет спасать. Выдумывают всякую фигню, вроде темной материи... Да я тебе точно говорю – Искандер тут куда счастливее. Он может каждый божий день читать свитки с такими потрясающими вещами, которые в будущем вообще неизвестны. Был у него в комнате? Там три стены шкапами заставлены, и в каждом тубусы с папирусами – кучи папирусов! Там и про Атлантиду есть, и нечитаное из Гомера, и еще какая-то «Гипербориана»... И все эти сокровища – его! Да он богаче и счастливее всех историков, всех интеллектуалов двадцать первого века. А ты сам? Что, разве тебе здесь плохо? Нет, вот ты сам подумай – что мы из себя представляли *там*? Ровным счетом ничего. Среднестатистические типы. И чего мы добились бы в той жизни? Опять-таки ничего! Прожили бы свое потихоньку и незаметно померли бы. А здесь... Да ты оглянись, Серый! Ты за три года в принципы выбился, а это уж никак не меньше капитана или даже майора. И ты же всегда хотел так жить. Нет, не военным, а вот так, как мы живем, время от времени устраняя несправедливость. Как Джеймсы Бонды. Как Регуляторы с Дикого Запада. *Там* ты был никем, а здесь, Серый, ты можешь стать всем. Стопудово! Разве я не прав? Так что не грузись и слезай давай со своего лежбища. Кок сывает самых голодных!

Спускаясь на палубу, Лобанов подумал, что «пролетарий» прав. Стопудово.

Экипажу либуры предстояла ответственная операция – надо было одолеть Диолкский волок.

В Коринф решено было не заглядывать. Да и какой это был Коринф? Старый римляне сожгли еще полтора века назад, а новый был копией обычного имперского города.

Храм Нептуна, храм Венеры. И – россыпь беленьких домиков по склону. В Лехайоне – морском порту Коринфа – болтались утлые рыбацьи скорлупки да пара залетных трирем.

Но вот Диолкский волок, связавший два моря через Истмийский перешеек, порадовал образцовым порядком. Ранее, в старину незапамятную, по Диолку был выложен дощатый настил, мазанный жиром, потом местный царек Периаандр загорелся идеей прокопать в этом месте канал. Но то ли его отговорили, то ли что, а только царек бросил свою затею и приказал выложить полувырытое русло каменными плитами – корабли легко по ним скользили, увлекаемые упряжками лошадей.

– Ни-че-го себе! – воскликнул Гефестай, углядев мраморную полосу, уходящую вдаль, за покатым верх перешейка. – Да в Риме дороги хуже, чем этот волок!

Местные служаки бегом подоспели к либурне. Хотели поначалу вздрючить всех по ранжиру, но грамотка от префекта претории мигом обратила злых дядей в добрых.

Откуда ни возьмись появились биги – попарно запряженные лошади могучих пород. Дружным усилием тяжеловозы выкатили либурну на мраморный волок и повлекли за собой.

Туземцы, конечно, не пропустили бесплатное зрелище – глядели с крыш, с холмов, как либурна с гулом, шорохом и скрипом, под уханье и брань, тащится к перевалу и спускается от высшей точки вниз, к Эгейскому морю, во влажные объятья еще одного коринфского порта – Кенхрейи.

– Одерживай! Одерживай!

– Тп-р-ру! Стоять!

– Сезий и ты, Марк! Подровняйте, вон!

– Натяни!

– Держи, держи! Пошла!

– Но-о! Шибче ходи, шибче!

– Да куда ты гонишь?

– Еще! Еще малость! Во! В самый раз!

– Толкай! Ого-го! Море!

– Море! Море!

Волок прошел очень организованно, «как учили». Либурна плавно спустилась в воды Саронического залива, а оттуда уж и до Афин было рукой подать.

Причалив на ночь в Кенхрейе, либурна отплыла лишь после обеда. Всю дорогу до Афин корабль шел с «почетным эскортом» – то с одного борта, то с другого кувыркались в волнах дельфины. А потом показалась волнистая линия суши и вспыхнул золотой блик, отражаясь от шлема Афины Промакос, чья гигантская статуя высилась на Акрополе.

Из моря поднялся Пирей, портовый городишко. Маяк его был погашен... Либурна вильнула влево, к большому порту. Укромную бухту разделял каменный мол – к югу от него открывалась военная гавань, к северу – торговая.

Скирон по привычке направил либурну в военную и отшвартовал ее у сухих доков – там, под черепичными крышами покоились триремы со снятыми мачтами. Передних стен у доков не было, а кровлю поддерживали колоннады, разгораживающие помещения для кораблей. Видно было, как под днищами трирем ползают матросы, скребками счищая наросших моллюсков.

Грохнулся трап, и преторианцы сошли на берег.

– Мы скоро! – пообещал Искандер, и Скирон молча кивнул, соглашаясь ждать.

– Ну, что? – бодро спросил Эдик. – Пошли? Заглянем в «око Эллады»?

– Куда-куда заглянем? – удивился Гефестай.

– Это Афины так называют, – нетерпеливо объяснил Тиндарид. – Стыдно признаться, но здесь я не был ни разу.

– Подумаешь! – фыркнул Эдик. – Я, вон, в Антарктиде не был. И ничего, как видишь. Жив пока.

– Так я ж эллин!

– А я – нет. И что?

– Пошли, – сказал Сергей, и подал пример.

Вскоре они вышли на Пирейскую дорогу. Она поднималась вверх, как дорога, вымощенная желтым кирпичом – та, что вела Эллы в Изумрудный город. Только под ногами преторианцев желтела глина, а по сторонам темнела кипарисовая роща.

Когда-то с обеих сторон путь к порту защищали Длинные стены, северная и южная, но легионы Суллы разрушили их. И Средостенная Пирейская дорога сократила свое название. Но не продолжительность пути.

– И долго нам идти? – поинтересовался Чанба.

– Если будешь живее ноги переставлять, – отвечал Тиндарид, – то через час дойдем.

– Ча-ас?! Блин блинский...

– Эдик, это тавтология.

– Надо было тогда коней взять.

– Опомнись, мы же бедные бродячие циркачи! Откуда у нас деньги?

– Вот, блин...

Одoleвать подъем и в самом деле пришлось долго. Преторианцев обгоняли верховые легионеры, неторопливо вышагивали земледельцы, погоняющие ослов и мулов.

Гремели и скрипели телеги, выбивая пыль.

Афины постепенно открывались взгляду. Над массой белых домов высились темно-серые скалистые склоны Акрополя. Были хорошо видны прекрасные храмы на вершине, серо-зеленый кустарник у подножия и черно-зеленые кипарисы. За Акрополем поднималась, подобная женской груди, гора Ликабет, покрытая темным густым лесом.

– Ну, наконец-то! – буркнул Чанба, углядев впереди крепостную стену Клеона с распахнутыми Пирейскими воротами. Искандер коварно усмехнулся...

Выйдя на дорогу Койле, преторианцы миновали перекресток и повернули вправо, мимо Одеона, оставляя слева улицу Священных Треножников, углубляясь в кварталы Ареопага. Одноэтажные дома, похожие друг на друга, как близнецы, выходили глухими стенами в переулки и были утомительно однообразны.

– Око Эллады, око Эллады, – ворчал Эдик. – Аул какой-то...

Не слушая его, Сергей спросил Искандера:

– И где нам искать наших китайских друзей?

– «Русский с китайцем – братья навек...» – тут же забубнил Чанба.

– Циркачам они сказали, что останутся где-то здесь, – отвечал Тиндарид, стараясь не обращать внимания на Эдика. – Напротив святилища Деметры, в доме под пригорком, где растут две очень старые оливы и гигантские кипарисы...

– Не те ли? – кивнул Гефестай на громадные метелки деревьев, устремленных в небо, подобно ракетам.

– Может, и те... Да-да, вон и храм!

Сергей первым открыл калитку в сложенной из грубых кусков камня ограде и по короткой лестнице поднялся в миниатюрный сад, где росли запущенные розовые кусты. Две очень старые оливы заботливо прикрывали серебристой листвой небольшой дом со слепящими белизной стенами. Его ставни были прикрыты, а дверь заперта.

– Эй! – позвал Лобанов и постучал в ставню. – Есть кто дома?

– Кто там? – послышался боязливый голос.

– Тут проживают посланцы ханьского императора? – внушительно спросил Искандер.

– Да-да! – донесся торопливый и несколько нервный отклик. Загрюкала цепь.

В приоткрывшуюся дверь с осторожностью выглянул желтолицый человек с глазами раскосыми и узкими, одетый в свободную блузу, едва вмещающую грузное тело, и в широкие штаны. Было тепло, но голову ханьца прикрывала забавная вязаная шапка. Лицо его с тонкими чертами напоминало вырезанную из древесины барбариса маску, а морщины выдавали возраст – ханьцу было за пятьдесят.

Эдик Чанба, убедившись, что восточный гость – среднего роста, расположился к нему, и сказал:

– Мы вас приветствуем! Узнаёте? Мы – те самые циркачи, которых вы звали в свою страну.

– Ах, да-да, конечно! – обрадовался ханец, как будто испытывая громадное облегчение. На латыни он изъяснялся свободно, разве что забавно возвышал голос и проглатывал звук «эр».

Обычай предписывал ханьцу принимать гостя, не снимая головного убора, дабы проявить уважение. Выйдя во двор и поклонившись, хозяин пригласил преторианцев в дом.

Пригибаясь под висящим на бронзовой цепи двухпламенным лампионом, Сергей прошёл во внутреннюю комнату, обставленную очень неброско – три ложа в ряд и один стол да табуреты вокруг.

– Наш договор в силе? – спросил с нажимом Сергей.

Вместо ответа китаец сжал кулаки и поднял их на уровень лица, сгибаясь в неглубоком поклоне.

– Тогда мы готовы, почтенный, – продолжил Лобанов. – В гавани стоит корабль, на котором мы могли бы добраться до Антиохии.

– Да будет милостиво к вам Вечно Синее Небо... Ах, простите меня, я не узнал вашего драгоценного имени!

– Зовите меня Сергием. А это мои друзья – Эдикус, Искандер и Гефестай.

Всякий раз после представления китаец складывал ладони перед грудью и махал ими в знак почтения.

– А вас как звать? – прямодушно поинтересовался Чанба.

– Мое ничтожное имя Го Шу.

Взяв на вооружение странную китайскую любезность, Лобанов спросил:

– А где ваши драгоценные друзья?

– Мои ничтожные друзья, – поклонился Го Шу, – отправились на Агору выражать свое незрелое мнение. Таких, как мы, почтенные граждане Рима зовут философами, но мы, конечно, недостойны этого высокого звания.

– Философы? – оживился Искандер. – Как интересно! А к какому течению мысли при-
мыкает драгоценный Го Шу?

– О, я всего лишь неуч, который зря расходует цветы своей селезенки в тщетных потугах уразуметь великие истины, изреченные мудрейшим Лао-Цзы. Его бессмертное учение изложено в знаменитом трактате «Даодэцзин», что означает «Книга пути и силы».

– Так вы даос? – еще пуще заинтересовался Тиндарид.

Го Шу скромно потупился.

– Рад, очень рад! А ваши друзья?

– Ах, им очень далеко до Лао-Цзы. Это такие неумехи! И Ван всюду проповедует учение Просветленного, и вечно призывает его, восклицая: «Амитофу! Амитофу!». И Ван наивно полагает, что, повторяя сей призыв много раз, он сможет попасть в рай, обретя сверхъестественную силу. Ай-я-яй, – сокрушенно поцокал языком Го Шу, – какая глупая самонадеян-

ность! А другой мой ничтожный друг носит имя Лю Ху и пробует подражать в мыслях и делах великому Кун Цю.

– Конфуцию? – угадал Искандер.

– Д-да, звучит весьма похоже. Прошу драгоценных гостей присесть.

Го Шу так настойчиво предлагал преторианцам места слева от себя, что Эдик поинтересовался:

– А почему нам с левой стороны? Это тоже что-нибудь значит?

– О, да, драгоценный Эдик. Левая сторона почетней, ведь у человека слева сердце – источник физической и духовной силы.

Ханец, кругленький и толстенький, засуетился, колобком катаясь из комнаты в комнату, и принес блюдо с псестьонами, ячменными пирожками с медом. Затем он водрузил на стол медный сосуд с горячей водой и пять чашек. В каждую чашку Го Шу бросил щепотку чая и залил кипятком. Потом он обеими руками поднес первую чашку Сергию. Лобанов, радуясь чаепитию, от которого отвык за три года, принял чашку тоже двумя руками – так было принято у сарматов. И Роксолан решил, что не сильно ошибется, ежели применит тот же ритуал к ханьцам. По тому, как Го Шу залучился, он понял, что не совершил обрядного промаха.

Раздав чай, даос накрыл свою чашку блюдечком. Преторианцы последовали его примеру и стали чинно ожидать, пока напиток настоится.

Наконец, Го Шу взял свою чашку и чуть-чуть сдвинул блюдечко, через щелку глотая душистый чай.

Допив свою порцию, Сергей обвел всех глазами.

– Ну, что? Пора?

– Пора! – энергично высказался Искандер.

– А ваша поклажа? – удивился Го Шу.

– На корабле, – небрежно сказал Эдик.

– Ах, да-да...

Прижимая пятерню к груди и расточая немые извинения, ханец скрылся в темной кладовке. Вскоре он вернулся – с сумой через плечо. В суме что-то постоянно шелестело и звякало.

– Я готов, мои драгоценные спутники, – доложил Го Шу.

– Вперед! – провозгласил Эдик, и все двинулись из дома.

Искандер пристроился впереди и зашагал рядом с философом.

– Понравилась ли драгоценному Го Шу наша страна? – любопытствовал он.

– О, да! – с жаром согласился ханец. – Она удивительна и необыкновенна. Первое время мы были как малые дети, потерявшиеся в чужом городе, но потом понемногу привыкли, устав поражаться тому, что видели.

– И что вас поразило?

– Ах, стоит ли слушать мои незрелые суждения? Поражались мы всему. У вас мужчины и женщины свободно общаются между собой, и это ничуть не считается зазорным. Девушки нередко разговаривают со многими мужчинами, причем эти последние между собой не спорят. У нас не так. Мы отделяем мальчиков даже от сестер, которые живут очень изолированно, а когда девочке минет десять-двенадцать лет и ее просватают, то ее жизнь становится почти совершенно замкнутой. С этого момента девушки должны укрываться от взора даже хорошо знакомых. Из дома они выезжают редко, только в случае крайней необходимости...

– Чем-то этот ваш обычай напоминает мне жизнь здешних женщин, – сказал Искандер, поводя рукою. – У эллинов они тоже сидят дома и проводят время на женских половинах – гинекеях.

– У нас с этим куда строже, – парировал Го Шу с ноткой извинения. – А еще мы, все трое, дружно закрывали глаза, наблюдая, как вы целуетесь при свидании. По вашим обычаям, люди, находящиеся в родственных отношениях, при встрече или же при расставании целуют

друг друга без различия полов. Для нас же поцелуи настолько необычны, что даже мужья не целуют жен, ибо это почитается вещью похотливой и неприличной. Открыто лишь мать целует своих детей, да и то лет до пяти...

– Поразительно! – воскликнул обычно сдержанный Тиндарид. – Драгоценный Го Шу, а не могли бы вы развеять тьму моего незнания и прояснить, что же есть «дао»?

Ханец сделал глубокий вдох, светлея лицом.

– Дао – значит «путь», – сказал он с чувством, – это первоисточник явлений материальной и духовной жизни, это первопричина всего сущего, а также конечная цель и завершение бытия. Всё в мире произошло от дао, чтобы затем, совершив кругооборот, снова в него вернуться...

– Все, – громко прошептал Эдик, – было нас четверо, а стало трое. Искандер теперь отлипнет от ханцев лишь тогда, когда полностью выкачает из них инфу! Бедный Гоша...

– Кто-кто? – не понял Сергей.

– Го Шу! Это я его так, по-свойски...

– Присоединяйся и ты к постижению вековой мудрости, драгоценный Чань Бо, – пропел Гефестай.

– Спасибо, мне и своей хватает...

Так, за болтовней и проповедью, преторианцы одолели недлинную дорогу к Агоре, центральной площади Афин, чьи камни помнили поступь и Перикла, и Фемистокла, и всех прочих великих мужей Эллады.

Агору, заставленную бесчисленными статуями, окружало множество зданий с тенистыми портиками, которые тут назывались стоями. Пестрая стоя была расписана историческими картинами Полигнота, а стоя Аттала поднималась в два этажа, и на каждом из этажей располагалась двадцать одна лавка.

Го Шу поспешил к Царской стое, что выстраивала свои колонны у подножия Тесейона, помпезного храма, посвященного Гефесту и Афине.

– Сюда, мои драгоценные спутники, – подозвал ханец дружную четверку. – Я уже вижу И Вана!

Раздвигая нарядную толпу и бормоча: «Амитофу, Амитофу, Амитофу...» – на площадь выбрался сухопарый остролицый ханец с обритой наголо головой. Он шагал стремительно, едва не подпрыгивая на ходу от избытка энергии. Увидев Го Шу, буддист расплылся в улыбке, из-за чего его узкие глаза смежились в две неразличимые щелочки, и поспешил навстречу.

– Здравствуй, И Ван, – поклонился даос. – Ты видишь перед собой тех самых великих мастеров, которых мы позвали в дальний путь.

– Как я рад, как я рад! – зачастил И Ван, складывая кулаки и кланяясь. – Я счастлив сопровождать великих мастеров и быть им полезным во всяком деле.

– Готов ли ты идти, И Ван? – спросил Го Шу.

– О да! Моя кладь не отягощает рук, ибо все, что имею, всегда при мне. Я готов!

– Превосходно, – вмешался Искандер. – Но вас, по-моему, было трое?

– Да-да-да! – заверил его И Ван. – Лю Ху возжелал побыть немного ближе к Вечно Синему Небу, и отправился на Акрополис...

– Тогда что мы тут стоим? Давайте сходим за ним.

Сергей покрутил головой, словно отгоняя назойливый рой новых впечатлений, и зашагал к Дромосу, главной улице Афин, что кипела рядом с Агорой.

По всей длине ее галдели цирюльники, зазывая клиентов, из дверей харчевен клубился пар, во множестве лавок шел ожесточенный торг. Купчики так и путались под ногами, хватая прохожих за одежду и прямо в ухо выкрикивая:

– Вино! Вино! Холодное вино!

– А вот эликсир молодости! Купите эликсир! А эликсир любви желаете? Дешево отдам!

– Смотрите, смотрите, арабские благовония! Таких вы больше нигде не найдете, даже в самой Аравии!

– Есть две девушки из Коммагены. Нежные, юные, их только что привезли. Не пожалейшь, господин!

– Жареные орехи! Финики в меду!

– Купите со скидкой! Ну, купите же хоть что-нибудь!

Оглушенный этими воплями, Сергей принялся решительно пробиваться вперед, бесцеремонно расталкивая торгашей.

А надо всею этой человеческой комедией, над суетою сует, над дымом очагов и жаровень, над плоскими черепичными крышами высился величавый и невозмутимый Акрополь.

На его плоскую вершину вела неширокая тропа, истоптанная за столетия сандалиями, копытами коней, вереницами жертвенных животных. Тропа вильнула, свернула на запад и начала виться по уступам скалы. Полого поднимаясь, дорожка обогнула холм и вывела к Пропилям, входной колоннаде Акрополя из шести мраморных столпов.

Слева к Пропилям примыкал массивный мраморный павильон Пинакотеки, первой в мире художественной галереи, а справа, на выступе скалы, прирастал самый маленький храм Акрополя, изящное, будто игрушечное, святилище Ники.

– Сюда, мои драгоценные! – позвал Го Шу.

Сергей ступил под мраморную сень Пропилей.

И Ван с натугой потянул на себя тяжелые средние двери, отлитые из бронзы, но те не поддались его усилиям.

– Нет, нет! – поспешил к буддисту Го Шу. – Эти ворота открываются только в дни празднеств. По будням идут через эти, – он указал на боковые двери, обитые медью.

Вдвоем они отворили массивную створку. Несколько ступеней вверх, ступенька вниз – и Лобанов оказался на площади Акрополя.

Прямо перед ним, шагах в сорока, возвышалась колоссальная бронзовая статуя – грозная и величавая Афина опиралась на копье, как страж древнего города. У ног ее свернулся питон – символ мудрости.

– Где же он? – нахмурился «Гоша».

– Поищем в храме! – предложил непоседливый И Ван и стремительными шагами двинулся к Парфенону.

Знаменитый храм был построен хитро – вход в него открывался со стороны, противоположной Пропилям.

Лобанов прошел за колоннаду Парфенона, взглядывая на нескончаемую мраморную ленту барельефа, что тянулся по верху стены и изображал праздничное шествие.

Вот храбрые всадники горячат коней. Вот девушки в тонких пеплосах погоняют круторогих быков. Ступают женщины с пальмовыми ветвями. Важно шествуют старцы, бодрые и статные. А вот Афина спорит с Посейдоном, богом моря, при свидетелях – Гере и Афродите, Гефесте и Деметре.

Сергей свернул за угол и вошел в храм.

В обширном святилище, окрашенном в красный и синий цвета, царил полумрак. В глубине зала, среди даров, венков, серебряных масок, поднималась под потолок еще одна Афина.

Богиня гордо держала голову в золотом шлеме, левой рукой придерживая щит, стоящий у ног. На правой ладони Афины стояла богиня победы Ника, а глаза Афины, сделанные из драгоценных камней, смотрели внимательно и испытующе, прямо на Сергея. Чудилось, строгие губы богини вот-вот дрогнут в улыбке... Лобанов словно ступил на незримый порог между миром людей и обиталищем бессмертных богов. Из ничего, из мастерства Фидия, соткалась сказка и тайна.

Плавню струились складки одежды богини из чеканного золота, а голова и руки, искусно отделанные желтоватой слоновой костью, светились снежно-белым сиянием, по контрасту с тусклым блеском металла.

– Лю Ху! – громко произнес Го Шу, рассеивая мираж.

Из мягких потемок шагнул третий попутчик преторианцев – строгий ханец с лицом сильным и резким. Движения его были точны и выверены, поступь тверда, а взгляд колюч. Голос оказался под стать образу человека бывалого и упрямого, вечного скептика, любящего настоять на своем – он был скрипучим.

– Я здесь, – коротко сказал Лю Ху, и быстро оглядел Сергея сотоварищи. – Я понял, это наши драгоценные спутники.

– Да! – подтвердил его догадку И Ван. – И мы можем хоть завтра двигаться в путь!

– Почтенные, – вмешался Лобанов. – В Пирее нас ждет корабль. Зачем же откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

– Какая глубокая мысль! – восхитился буддист.

– Но мы еще не пообедали, – слабо воспротивился Го Шу.

– «Умереть с голоду, – прокрипел Лю Ху, – событие малое, а утратить благородство – большое».

– При чем здесь это? – произнес даос упавшим голосом.

– А при том, – сказал конфуцианец сурово, – что не нужно уподобляться людям ничтожным, не внемлющим велениям неба. Мы должны следовать примеру благородных мужей, хранящих великое достоинство и наделенных пятью добродетелями. Наш долг – проводить драгоценных мастеров ко двору Сына Неба.

– Начнем же наш путь! – поспешно сказал И Ван. – Амитофу!

– Начнем... – вздохнул Го Шу.

Сергей перемигнулся с Эдиком и зашагал из Парфенона. Его друзья и спутники двинулись следом, то обгоняя, то отставая.

Солнце уже садилось, тени статуй вытягивались в длинные полосы, а кипарисы казались беспросветно черными.

– Имя мое – Лю Ху, – представился бывалый конфуцианец, – но я не смею назвать его ничтожным, ибо таково имя нашего Божественного Императора.²⁰

– Мы не в претензии! – ухмыльнулся Эдикус. – Как говорил мой дед Могамчери: «Имя человеческое – тихий звук. Слава его доносится эхом». Верно, Лёха?

Лю Ху кивнул без обычной для него уверенности.

Когда ханцы с преторианцами проходили мимо Эрехтейона,²¹ с верхней части фриза, исполненного из фиолетово-черного элевсинского известняка, спорхнули сразу две ушастые совы, прозванные «ночными воронами», и пролетели с правой стороны маленького отряда.

– Двойное счастливое предзнаменование! – радостно сказал Искандер. – Всё у нас будет хорошо, и даже лучше – клянусь Афродитой Эвплоей!

– Да хранит нас Аша-Вахишта, – прогудел Гефестай, – Благая Судьба!

– О, будды и бодхисатвы! – воскликнул И Ван. – Помогите нам творить добро и не дайте случиться худу!

– Вперед, и с песней! – заключил Чанба, и возглавил шествие.

---

²⁰ Ханьцы по несколько раз меняли свои имена. Лю Ху было «детским» именем императора. Взойдя на престол, он взял «посмертное» имя Ань-ди.

²¹ Эрехтейон – храм, посвященный Афине и Посейдону.

Глава 4, *в которой появляется таинственный спаситель*

Либуерна покинула Пирей с первыми лучами солнца и двинулась на юго-восток, стараясь держаться глубин Внутреннего моря,²² не залезая в толчею Архипелага. Однако ночевать приходилось на островах: командир либуэрны выискивал до темноты укромную бухточку, и корабль вставал на якорь. А в предрассветных потемках снова выходил в открытое море, ложась на прежний курс.

Самая долгая остановка вышла в гавани Родоса, где команда Скирона крепила расшатавшуюся мачту, а преторианцы с ханьцами обозревали лежащего Колосса – исполинское изваяние в семьдесят локтей²³ высотой. Впрочем, высоту монумента следовало измерять раньше, когда это чудо света вздымалось у входа в порт, изображая бога Гелиоса – стройного юношу с лучистым венцом на голове. Увы, вздымалась гигантская статуя менее века и рухнула после хорошего подземного толчка. На паре белых мраморных постаментов остались торчать гигантские ноги до колен, а само тело бога солнца, покрытое бронзовыми листьями, глыбилось на песке, вот уже триста лет служа пристанищем чайкам, из-за чего зеленая патина была испещрена белыми кляксами и разводами.

Статуя поражала своими огромными размерами даже теперь, когда впору было мерить ее в длину – одному лишь Гефестаю удалось обхватить палец бога солнца руками, так велик оказался перст.

Породив моду на колоссальные скульптуры, родосцы и сами понаставили их немало, увековечив и Геракла, и Аполлона, и Зевеса с Афродитой, но суровый Скирон не дал времени на экскурсию – ближе к полудню либуерна отправилась в путь.

Преодолев Ликийское море, пройдя меж берегами Киликии и Кипра, корабль причалил в порту Антиохии Сирийской, именуемом Селевкия Пиэрия.

«Морские ворота» Антиохии открывались не в гавань, а в устье реки Оронт, выносившей в море свои мутные воды. Вдоль всего берега тянулись пристани, каменными молами продвинутые на глубину. Сотни кораблей стояли пришвартованные, иные медленно отваливали от причалов, распуская паруса, и тут же от массы судов, бросивших якоря на рейде, устремлялись пузатые «купцы», спеша занять освободившееся место.

За лесом качающихся мачт виднелись улицы Селевкии, уступами спускающиеся с утеса к реке – на солнце белели колоннады храмов и стены плоскокрыших домов, серели мощные башни, а пышные садики глянцево блестели, клубясь зелеными облачками.

У самого берега тяжело расплывались приземистые склады, крытые черепицей и окруженные портиками. Между их широко распахнутыми воротами и сходнями кораблей сновали вереницы рабов-грузчиков. Тарахтели телеги, нагруженные пирамидами бочек, штабелями бревен, обтесанными глыбами мрамора, грюкающими амфорами с вином или зерном. Размерно ступали полицейские-вигилы, охраняя покой мирных граждан, сустились портовые чиновники, купцы принимали и отправляли груз.

Разноголосый и разноязыкий гомон вплетал в себя скрип подъемников-полиспастов, злобные окрики грузчиков, требующих дорогу, мычание волов, крики ослов и верблюдов, гро-

---

²² *Внутреннее море* – ныне Средиземное. *Архипелаг* – это многочисленные острова между Элладой и Малой Азией – Делос, Родос, Парос, Самос и т. д. Ликийское море римляне располагали напротив берегов Ликии (современная юго-западная Турция).

²³ *Локоть* – мера длины, 52 см.

хот колес, катящихся по камням... А надо всей этой суетой висела поднятая пыль, понемногу сносимая ветром.

Командир либуры твердой рукой направил корабль вверх по течению, собираясь подняться по Оронту до самой Антиохии, однако возле военной гавани дорогу ему перекрыла длиннотелая трирема, чей озверелый начальник-триерарх прорывал в медный рупор объявленный запрет. Скирон ругаться не стал. Он свернул к берегу и кое-как втиснулся между крутобокими таридами, перевозившими лошадей.

Искандер выслушал Скирона, кивнул и обратился к друзьям:

– Вверх не пройти – город празднует... что? Эдик, к доске!

– День рождения бабушки Ленина? – заломил бровь Чанба. – Так, вроде, двадцать второе завтра только...

– Невежда! – пригвоздил его Тиндарид.

– День пастуха сегодня, – прогудел Гефестай.

– Именно! – восхитился Искандер. – Садись, «пять», – и торжественно провозгласил: – Друг мой Эдикус, сегодня по всей империи справляют Париллии во славу доброй Паллес, покровительницы скота.

– Друг мой грэкус, – съехидничал Чанба, – нам про то ведомо. А вот ты, юный натуралист, пролистнул дату поважнее, чем профессиональный праздник животноводов, – и заговорил назидательно, пародируя лекторский тон Александра: – Сегодня по всей империи справляют день основания Рима! Восемьсот лет с хвостиком минуло с той поры, когда Ромул собрал банду пастухов-ковбоев и захватил сарай какого-то там царька, ибо какие в то время могли быть дворцы? Дал тому царьку под зад, а потом плугом очертил границы нового города, которому присвоил свое имя – скромный он был, Ромул, чурался почестей... Усек, энциклопедия моего сердца? Занеси данную инфу в скрижали своего интеллекта и блистай им дальше.

Отмщенный, Эдик победно залучился, а порядком уязвленный Искандер пожал плечами, изображая полнейшее равнодушие и «сохраняя лицо».

Грохнулся трап, приглашая сойти на сушу. «Великолепная семерка» спустилась на причал, нагрузив плечи и подмышки цирковым скарбом.

– Интересная у вас жизнь, – сказал И Ван, смежая глазки в щелочки, – сплошные праздники! Только минули Цереалии, как начинаются Париллии, а через неделю придет черед Флоралий...

– Драгоценный Ваня, – просиял Чанба, – ты забыл упомянуть Виналии.²⁴ Их будут отмечать через два дня.

– Не жизнь, – вздохнул даос, – а сплошной праздник...

– Это не праздники, – прокрипел Лю Ху, – это те прочные гвозди, которыми правители скрепляют воедино разные народы. Подданные римского императора живут на берегах одного моря, но стены, прочнее каменных, разделяют племена – каждое молится своим богам, говорит на своей речи, следует обычаю своих отцов и дедов. Как единая латынь связала разноязыких, так и общий праздник сводит людей севера и юга, востока и запада на одном торжестве. А когда чужие люди радуются сообща, они роднятся.

– Чеканная формулировка, – согласился Лобанов. – Ну что? Хватаем повозку, если найдем, и двигаем в Антиохию?

– Я – «за», – высказался Эдик.

– Рад за тебя, – не удержался Искандер.

– Время неурочное, – вздохнул Го Шу. – Нам предстоит долгий путь и надо будет приобрести хороших, выносливых коней, но кто их нам продаст в праздничный день?

---

²⁴ *Цереалии* – праздник в честь Цереры (с 12 по 19 апреля). *Виналии* посвящены Юпитеру и Венере (23 апреля). *Флоралии* праздновались с 28 апреля по 3 мая – славили богиню Флору.

- И будут ли места в гостиницах? – обеспокоился Гефестай.
- На травке поспишь, – пожелал ему Чанба, – сольешься с природой... Ты же любишь природу? Ну, вот... А она тебе ответит взаимностью.
- Ты на что намекаешь? – подозрительно спросил сын Ярная.
- Я тебе добра желаю, – заверил его Чанба, – хочу, чтобы ты не стыдился своих порывов, своего дао. Ибо то, что естественно, не безобразно – так учит нас Лао-Цзы. Верно, Гоша?
- М-м... Почти, – промямлил даос.
- Слышал авторитетное мнение? Ну вот...
- Фи! – скривился Искандер. – А можно без пошлых намеков?
- Лично у меня другое предложение, – проворчал Гефестай. – Я считаю, что мы и втроем справимся. А четвертого лишнего утопим в Оронте.
- Нет, – воспротивился Искандер, – это не по-хозяйски. Лучше его продать – сирийцы любят мальчиков...
- Эдик уже открыл рот, готовясь дать достойный ответ, однако его оборвал Лобанов.
- Хватит болтать, – сказал он, подзывая свободную повозку-карруху. – Залезайте.
- Дощатая телега, влекомая четверкой лошадей, обходила без бортиков. Преторианцы-«циркачи» и их провожатые расселись со всех сторон каррухи, свесив ноги. Безразличный возница, получив пару сестерциев, сразу ожил и хлестнул кнутом, подбадривая лошадей.
- Занимайте места согласно купленным билетам, – балаболил Чанба, ерзяя. – Контролер на линии!
- Билеты – это что-то вроде тессер,²⁵ по которым проходят на ристания колесниц? – полюбопытствовал И Ван. – А что такое «контролер на линии»?
- Не слушайте этого болтуна, почтенный И Ван, – сердито сказал Сергей и повернулся к Эдику: – А ты прикуси язык!
- Всё! – заверил его Чанба. – Я нем, как рыба. Свежезамороженная...

Следуя вдоль Оронта, повозка часика через два приблизилась к Антиохии. Это был огромный красивый город – больше полумиллиона жителей. Антиохия удобно расположилась между мутным Оронтом и двуглавой горой Сильпия. Крест-накрест город делили стены, разграничивая четыре квартала, где проживали римляне и сирийцы, эллины и иудеи, а снаружи Антиохию обносила общая крепостная стена, укрепленная четырьмя сотнями башен. Так что в городе тесно не было, внутри его стен можно было встретить и розовые скалы, и ручьи, и водопады. А ипподром разместили на большом, омываемом Оронтом острове, куда вели каменные мосты.

– Прав был Лёха насчет скрепляющих народ гвоздей, – негромко сказал Эдик, подбодродком указывая на жителей предместий, которые исполняли положенные обряды с удовольствием и старанием.

И эллины с римлянами, и народ сирийского обличья, все одинаково одетые в легкие хитоны, окропляли водой конюшни и хлева, выметали из них сор новыми метлами, украшали двери венками и гирляндами из веточек.

Портовая дорога вильнула, выходя к стенам города, и справа показался луг, по которому разбрелось стадо овец. Двое пастухов ходили вокруг отары, окуривая животных серой, и молились наперебой – о ниспослании милости на скот, стойла и дом, об избавлении от мора и болезней, об изобилии травы, корма и чистой воды...

---

²⁵ Тессеры – пронумерованные бронзовые билеты, по которым зрителей пропускали в цирки и амфитеатры. Читателя может удивить, что Эдикус употребляет современные выражения и его понимают, но латынь была языком весьма развитым. Было слово «контролер» – *contrarotulator*, было слово «билет» – *tabella*, просто значения они носили отличные от тех, к которым мы привыкли.

Повозка загрохотала по каменным плитам и въехала в Портовые ворота Антиохии. Дальше, ближе к центру города, стояли раскрытыми еще одни ворота – Херувимские, украшенные бронзовыми барельефами из Иерусалимского храма, разрушенного Титом.

И путешественники выехали на центральную улицу Нимфей – широкую и прямую, мощенную мрамором, с тротуарами под сенью непрерывных портиков. Дома по обе стороны поражали пышностью и великолепием, сверкали гранеными колоннами, поднимали на плоских крышах ряды статуй, спускали лестницы, охраняемые каменными львами и грифонами, или отгораживались от улицы решетчатыми оградами.

Впрочем, смотреть по сторонам удавалось не слишком – по улице шествовали колонны празднующих, веселых и пьяных, в одеждах всех цветов и оттенков.

– Да здравствует Первое мая... – вякнул Эдик, и поспешно сказал: – Молчу, молчу...

Антиохийцы и гости города шли, пританцовывая, кружась и подпрыгивая, они размахивали зелеными ветками и листьями пальм, орали, пели, хохотали, оживленно балаболили, стараясь перекричать толпу, или молча улыбались, радуясь празднику, хорошему дню и просто самой жизни.

Повозка еле катилась, кони фыркали, раздвигая толпу, вздергивали головы, а люди, идущие на праздник, вихрились вокруг, обтекая странствующих и путешествующих. Шалые девочки в одних эксотидах, обнажающих правые груди, набрасывали ханьцам и преторианцам венки на шею и тянулись к ним губами. Трое философов с великим смущением отстранялись, а Сергей с удовольствием чмокнул пару прелестниц, не упустив случая уцепиться за приятные округлости.

Ближе к центру города толпа поредела, и карруха выбралась на перекресток, где был сооружен Омфален – четыре роскошных арки, украшенных скульптурами. Тут же высился пьедестал с беломраморной фигурой отдыхающего Аполлона, глаза которого, сделанные из розовых гиацинтов, томно глядели вдаль.

– И куда вас? – обернулся возница.

– Вот что, любезный, – сказал Сергей, – хорошая гостиница отсюда далеко?

Возница задумчиво почесал в затылке, и сказал рассудительно:

– Ну, ежели не удаляться особо к окраинам, то можно остановиться у Клонарии. У нее тут рядом заведение, хорошее, там все важные господа ночуют. Слуги у Клонарии почтительные и не воруют, а в комнатах не найти насекомых... Но жадна толстозадая – за квадрант удавится!

– Ничего, – ухмыльнулся Лобанов, – стерпим. Вези нас к Клонарии!

– Как скажете...

Повозка свернула влево, выезжая на такую же широкую улицу, как парадный Нимфей. Не миновав и квартала, возница осадил лошадей, и рукой с кнутом указал на солидное здание в четыре этажа.

– Наша остановка... – начал было Эдик, но вовремя поймал внимательный взгляд Сергея.

Семеро слезли с тряской повозки и подхватили свое добро.

Дверей у гостиницы-ксенона не имелось – гости проходили под арку во внутренний двор, где шумел фонтан и зеленели клумбы. Запах свежести, однако, перебивался неистребимым ароматом жареной рыбы.

Из-под навеса выплыла монументальная женщина лет сорока. Тончайший ионийский хитон она прикрыла синим химатионом, вышитым золотом, с обычным бордюром из крючковидных стилизованных волн по нижнему краю. По восточной моде химатион был наброшен на правое плечо женщины и через спину подхвачен пряжкой на левом боку.

Изящество одеяния портила обувь. К такому хитону подошли бы посеребренные сандалии с длинными ремешками, но женщина была слишком могучего сложения и обулась в грубые, но прочные калиги, разношенные, как у легионера-ветерана, отшагавшего полимперии.

– Хайре!²⁶ – приветствовала женщина новоприбывших по-гречески, густым баском под стать телосложению. – Я Клонария, фэ, хозяйка этого миленького местечка. Желаете, фэ, остановиться?

– Желаем, – кивнул Лобанов. – Найдутся две комнаты?

Клонария поглядела на него с некоторым сомнением, и Сергей достал из кошелька пару денариев.

– Этого хватит?

Глазки-буравчики Клонарии тут же загорелись, и хозяйка выпалила:

– Три!

– Ладно, – согласился Лобанов, – тогда включи сюда и обед на семерых.

Хозяйка ксенона поглядела на него с уважением. Кивнув, она забрала денарии, и подозвала девушку, лицо которой хранило недовольное выражение вечно угнетаемой.

– Наннион, проводи гостей в седьмую и восьмую!

– Слушаюсь, госпожа...

Наннион стрельнула глазками, и сделала приглашающий жест. «Пожалуй, такую не слишком-то и угнетешь...» – подумал Лобанов, следя за тем, как розовая ткань хитона, зашпиленного на плечах Наннион пятью серебряными булавками, переливается и складывается в талии девушки. Серый химатион с каймой из синих нарциссов окутывал ее от пояса до щиколоток маленьких ног, обутых в сандалии с узкими посеребренными ремешками. Ножные браслеты хрустально звенели на щиколотках девушки.

Обернувшись, Наннион поймала взгляд Сергея, улыбнулась ему и показала маленький розовый язычок.

– Сюда, пожалуйста, – проговорила она, заводя постояльцев в темный коридор. Отворив одну дверь, она развернулась и открыла другую, напротив. – Вот ваши комнаты.

– Большое спасибо, – с чувством произнес Эдик, изо всех сил вытягиваясь, словно добирая недоданные природой сантиметры.

Наннион улыбнулась и вышла во двор.

– Оставляем вещи и топаем на базар, – объявил Лобанов, – поищем себе коников. Сегодня переночуем здесь, не ехать же на ночь глядя, а завтра с утра и поскачем...

– Не обязательно так спешить, драгоценный Сергей, – сказал Го Шу. – Коней можно купить и завтра. Один день ничего не решает...

– Иногда и минута может решить, быть или не быть, – не согласился Сергей. – И зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

– Вы так спешите предстать перед Сыном Неба? – уважительно спросил Лю Ху.

– А как же! – воскликнул Эдик. – Всю жизнь мечтал с ним увидаться.

– Просто мы хотим успеть вернуться, – дал Искандер более приземленное объяснение, – если не в этом году, так хотя бы этой зимой.

Лобанов зашел в «номер». Ничего особенного – ложа в ряд, каждое застелено дорогим вавилонским покрывалом. Под окном с узорной решеткой – низкая подставка с медным тазом и парой кувшинов, полных воды.

Уложив козловую сумку с цирковыми принадлежностями (включая акинак), Сергей сделал нетерпеливый жест: пошли, дескать.

И они пошли.

Преторианцам повезло – в Антиохию на продажу пригнали сразу несколько табунов из самой Африки. Продавались чагравые кони из Азиры – той породы ливийских скакунов, кото-

---

²⁶ Хайре! – эллинское приветствие, означающее «Радуйся!». На прощание, если ожидалась долгая разлука, говорили «Гелиайне!» («Будь здоров!»).

рые якобы завезены еще скифами-гиксосами, завоевателями Египта. Лошади из Азиры славились своей выносливостью в жару и безводье, а путь, который предстояло проделать Сергию и его спутникам, пролегал как раз по пустыням и сухим плоскогорьям, выжженным беспощадным солнцем. Искандер с Гефестаем торговались яростно, вдрызг, крича и потрясая кулаками. Тиндарид призывал в свидетели Афины Аллею и громко стонал: «Ах, за кого нас тут держат?! Это, по-вашему, кони? Да мальчишка на палочке верхом обгонит их играючи! Никаких шансов! Даже на живодерню не примут эти остовы, эту протухшую конину на хилых ножках. Помилосердствуйте! Голодный тигр, и тот возрыдает, узрев этих несчастных тварей!» А сын Ярная злобно трубил: «Клянусь благою Друваспой, Владычицей крепких лошадей, нам подсовывают хворых кляч! Ты хочешь, чтобы мы купили загнанных одров по цене слонов?!»

Торгаши хватались за голову, бегали вокруг коней, визгливо доказывая справедливость цены: «Посмотри, какая мощная грудь! Какие крепкие ноги! И холка длинна, и бока круты!» «А зад узковат! – парировал Гефестай. – И пах длинен! Смогу я на этой дохлятине делать полсотни миль в день? Да дышалки у нее не хватит, лучше сразу забить и не мучить! Плавали – знаем!»

Умаявшись спорить, но и получив бескорыстное удовольствие от знатного торга, продавцы расстались с десятком «ливийцев».

Конь, доставшийся Лобанову, красотой не блистал – темно-пепельного цвета, с длинными передними бабками и вислым задом. Однако этот изъян означал мягкую для всадника переступь, что в дальней дороге ценится куда больше, чем гордая стать. Сергей, не мудрствуя, назвал своего коня Пеплом.

– А хватит ли нам десятка? – рассуждал Лю Ху по пути в ксенон, похлопывая по шее чагравую покупку. – Если вы так спешите, надо вести с собою по два-три подменных коня каждому из нас, чтобы пересаживаться в дороге.

– Десятка, конечно, маловато будет, – кивнул Гефестай, – но здесь кони дороги. И порода не та. Нам крупно повезло, что застали этих ливийцев. А вот в Парфии надо будет прикупить еще столько же – там лошади и дешевле, и подойдут лучше. Не забывайте, нам еще через горы перебираться. Плавали – знаем!

– И все же зря вы отказались от наших денег, драгоценные мастера, – попенял Го Шу. – Заплатили бы хоть за седла...

– Сложимся еще, не волнуйтесь! – успокоил ханьцев Чанба.

Конюшня при ксеноне была пуста наполовину, так что и люди устроились, и лошадей устроили. Купленные по дешевке седла – воинские, четырехрогие, какими пользовались легионеры, – отнесли в «номера». Там же сложили оружие. Ханьцы не носили мечей, имея при себе здоровенные кинжалы цин-люй почти в локоть, с клинком, похожим на скрипку, и с рукояткой в виде женской фигуры. Кинжалы философы не снимали с пояса, когда находились в городе. На природе они не расставались с тугими луками и колчанами, полными стрел. Лучше всех стрелял И Ван – он специально упражнялся в метании стрел, чтобы не убить врага, а ранить, ибо учение Будды отвергало причинение смерти.

За делами, за дневной нервозностью и беготней Сергей и не заметил, как за вечерело. Однако гостиница не погрузилась в тишину и сонное оцепенение.

Деревянные ворота под аркой заперли, а во внутреннем дворике царила праздничная суeta. Для начала Клонария торжественно разожгла очаг, запалив ветки оливковых и лавровых деревьев и побросав в огонь засохшие цветы. Горящие ветки громко потрескивали, и все – и слуги, и постояльцы, – радовались. Хорошая примета!

– Вообще-то, разжигать очаг полагается отцу семейства, – заметил придиричивый Искандер.

– Дополнительную заповедь тебе даю, – пропел Эдик, – «Не занудствуй!» Ты погляди на Клонарию, грэкус. Чем не глава семьи?

А Клонария приступала к важному обряду – сжиганию сложной и странной очистительной смеси, приготовленной весталками из крови коня, коего закололи в честь Марса в октябрьские иды, из пепла сожженного в день Фордилиций еще не родившегося теленка и бобовой соломы.

Когда вонючая мешанина сгорела, хозяйка ксенона принесла жертву Паллес – корзинку проса, любимого богиней злака, просяные пирожки и горшочек простокваши.

Четыре раза подряд Клонария отпила молока, приговаривая:

– Прости, фэ, грешки мои, о, Палла! Благослови сей дом, фэ, и всех, кто проживает в нем временно или постоянно! Отведи, фэ, прочь хвори и напасти! Будь добренькой, фэ!

Пока хозяйка договаривалась с богиней, проворные рабы натащили кучу соломы.

– Поджигайте! – важно велела Клонария. И первая показала пример – грузно перепрыгнула через очищающий костер.

Поскакали гости-сирийцы, едва не подпалив длинные одеяния, а потом Эдик, схватив за руку Наннион, побежал на огонь. Взвизгнув, служанка прыгнула в паре с Эдиком.

Вскоре солома прогорела и приступила тьма, в которой смутный говор накладывался на смех и пьяные выкрики.

Сергий вспомнил Тзану, вздохнул и сказал:

– Пошли спать.

– Па-ашли-и... – мощно потянулся Гефестай.

– Пора, – согласился Искандер и обратился к ханьцам: – Как вам наши обычаи?

– Хорошие обычаи, – одобрительно покивал Лю Ху. – Великий Кун Цю говорил так: «Преодолей себя, восстанови ритуалы». Я наблюдал хороший ритуал.

Даос усиленно зевал, побуждая сурового товарища отрешиться от сутолоки дня.

– Пора дать отдых утомленным телам, – пробормотал он.

– А где Эдик? – удивился Гефестай. – Почему это его не слышно?

– Что-то мне подсказывает, – протянул Искандер, – что мы не услышим Эдикуса до самого утра!

– А Клонария, – подхватил Лобанов, – не услышит Наннион. Всё, артисты цирка, отбой!

Ранним утром, когда вершины Сильпия нечетко оконтурились на фоне розовеющего неба, преторианцы оседлали коней, помогли философам сесть верхом – стремяна еще не вошли в обиход, – вскочили сами на нервно отаптывающихся «ливийцев» и пустились в путь.

Клонария, хоть и с ворчанием, снабдила всех узелками, пахнущими сыром, лепешками и жареной рыбой, но Эдика окружили куда большей заботой и вниманием – ласковая Наннион напихала ему в седельные сумки и сушеных фиников, и изюму, и копченого сала. И фляжку мультсума, вкусной смеси вина и меда, сунуть не забыла. А при расставании кричала тонким голоском: «Гелиайне! Гелиайне!» Сонный Эдик отделался крепким поцелуем и попрощался с неожиданной любовью...

И вот, накормленные застоявшиеся кони бодро поскакали к Гиерополю, славному своим храмом, посвященным Астарте. Оттуда до Евфрата рукой подать.

Дорога поднималась в горы, пересекая леса, кои к будущим векам вырубят подчистую, оставив потомкам сухие пыльные склоны, кое-где поросшие колючим кустарником. А пока вокруг шумели пробковые дубы с прямыми стройными стволами, так непохожие на кряжистых северных сородичей. Простирались рощи смоковниц с клубящимися, как зеленые облака, пышными кронами; высились ряды каштанов и орехов в обхват, а ближе к Оронту попадались исполинские платаны и кипарисы по шестидесяти локтей высоты. Светлые и чистые, продуваемые ветрами гор, шумели леса из великанш-сосен и титанов-кедров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.